

Луи Анри Буссенар

Без гроша в кармане

Без гроша в кармане

ГЛАВА I

Процветание рекламы. — Странное предложение человека, одетого в газеты. — Женитьба, самоубийство или путешествие. — Серебряный король. — Сорок тысяч километров без гроша в кармане.

Америка — страна самой смелой, самой беззастенчивой, самой сумасбродной рекламы. Янки по натуре хвастун, фантазер и выдумщик; в рекламе он видит продукт своего гения, любит ее, восхищается ею, если она удачна, и в конце концов верит ей, как бы нелепа она ни была...

Однажды в мае 1895 года в шумном и людном городе Нью-Йорке появились сотни, тысячи громадных афиш. Они были расклеены повсюду: на столбах, на стенах, на конках, на людях-сандвичах ¹. Содержали они всего одну фразу, написанную на нескольких языках:

¹ Люди-сандвичи (живая реклама) — те, кто носит на себе одновременно два рекламных плаката (щита): один — спереди, на груди, другой — сзади, на спине. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

Без гроша в кармане!..
Sans le sou!
Penny less!
Kein Kreuzer im Sask!
No plata!
Senza solda!
Ki-Kiay-Jse!

Буквы были громадные и невольно бросались в глаза. Это действовало. Публика предчувствовала что-то необычное и проявляла интерес. Приманка оказалась весьма лакомой.

На следующий день появилось другое объявление на английском языке. Оно гласило: «Кто он? Англичанин? Немец? Итальянец? Испанец? Русский? Неизвестно! Но он красив, как античная статуя. Но он сведущ, как энциклопедия. Но он силен, как Гераклес. Но он храбр, как лев. И при всем том он совершеннейший бессребреник: у него нет ни гроша в кармане».

Многие говорили: «А, это свадебная реклама! Ее не назовешь пошлой». Девицы, вдовы и разведенные дамы находили, что из рекламированных качеств первые четыре очень заманчивы... но как же это так: без гроша? Неужели так-таки совсем без гроша? Это неудобно. Мужчины скоро охладели к этому вопросу, — он их

не касался, — но прекрасный пол продолжал волноваться.

На третий день афиши сменило громадное количество листовок с программой. Они сыпались на публику буквально отовсюду, как дождь. И невольно каждый интересовался: кто же этот Бессребреник, до такой степени разжигающий общее любопытство?

Программа была действительно очень заманчива. Вверху хромолитографским способом был изображен бравый молодец в костюме велосипедиста: красивое, выразительное лицо, черные, огненные глаза, пухлые губы с чуть-чуть насмешливым выражением; при этом широкая выпуклая грудь, могучая мускулатура, руки и ноги атлета.

Вдовы, девицы и разведенные дамы говорили: «Очень, очень красивый. И такой представительный! Наверное, он не янки». Под портретом было подписано крупными буквами: «Господин Бессребреник». И затем следовало:

«Жизнь коротка, а борьба за существование становится все труднее и труднее. Что делать человеку, если у него нет ничего, а между тем ему хочется решительно всего? В таком случае он должен испробовать все средства, и если не добьется своего, то пусть покончит с собою. К

такому именно заключению пришел господин Бессребреник. Это имя он заслужил вполне. У него буквально нет ничего: ни рубашки, ни воротничка, ни даже зубочистки. Он гол, как в момент рождения, и если своим видом не оскорбляет публику и держится в рамках приличия, то только благодаря доброте коридорного гостиницы. Что же думает делать этот джентльмен в таких обстоятельствах? Вот что. Завтра, 13 мая, в роковое число, господин Бессребреник в большой зале гостиницы «Космополит» в присутствии избранной публики будет иметь честь принять окончательное решение по поводу своей жизни. Положившись на волю случая, он вверит свою участь двум листочкам бумаги. На одном будет написано грозное слово «смерть». А на другом... Что будет написано на другом — почтенная публика узнает ровно в полдень с боем электрических часов в гостинице «Космополит». Жребий вытащит кто-нибудь из публики. Если вынется билетик с надписью «смерть», то господин Бессребреник будет иметь честь тут же пустить себе пулю в лоб. Рекомендуем вниманию публики это зрелище, поистине драматическое и привлекательное. С нынешнего дня господин Бессребреник принимает желающих его видеть в гостинице «Космополит». Несмотря на отсутствие гардероба, он может принимать даже дам. Господин Бессребреник —

вполне корректный джентльмен. Плата за вход умеренная — один доллар. Она предназначена для покрытия долга хозяину гостиницы. Приходите же, господа! Приходите посмотреть на господина Бессребреника».

И публика повалила валом. В числе первых в гостиницу «Космополит» нагрянули, конечно, репортеры и фотографы. Бессребреника интервьюировали без отдыха, фотографировали без конца. Доллары текли рекой в блюдо, поставленное на конторке у клерка гостиницы. Дамы теснились в зале, разглядывая Бессребреника. Сыпались восклицания. В объявлении было сказано верно: Бессребреник не имел одежды, но был в то же время приличен. Он был обернут в номера газеты «Нью-Йорк Геральд», сшитые бечевками. Эти номера Бессребренику одолжил коридорный. У джентльмена действительно не было ни гроша.

Несмотря на странное одеяние, он был красив и выглядел даже лучше, чем на портрете. Он приветливо раскланивался, пожимал протягиваемые ему руки, остроумно парировал обращенные к нему замечания. Говорил он по-английски очень хорошо, но с небольшим иностранным акцентом. У собравшейся публики он имел огромный и вполне заслуженный успех.

Вечером в Нью-Йорке только и разговору

было, что о Бессребренике. На другой день большая зала в гостинице «Космополит» была битком набита публикой. Преобладали дамы. Они стрекотали, как сороки, истребляя сэндвичи и прохладительные напитки.

Наконец загудел большой колокол. Таинственный джентльмен появился в своем газетном одеянии. Он спокойно раскланялся с публикой и знаком попросил внимания и тишины. Перед ним на черном столике лежал револьвер.

— Милостивые дамы и господа! — сказал он звучным голосом, в котором не чувствовалось ни малейшего волнения. — Наступил для меня решительный час. Почтенный клерк гостиницы, мистер Филипп напишет на двух одинаковых билетах: «смерть» и «путешествие»...

Немедленно раздались громкие крики:

— Держу за смерть!

— А я за путешествие.

— Тысяча долларов!

— Десять тысяч!

— Сто тысяч!

Когда все пари состоялись, джентльмен продолжал:

— У меня очень мало шансов уцелеть, потому что в предстоящем путешествии каждая минута грозит мне смертью. Оно будет кругосветное, длиной в сорок тысяч километров, и притом я

совершу его, не имея в кармане ни гроша. Я останусь и тут Бессребреником. На путешествие я отвожу себе один год. Если через триста шестьдесят пять дней я не проеду сорока тысяч километров...

— Хотите пари?

— Разумеется.

— Сколько?

— Два миллиона долларов, — отвечал джентльмен.

— А если вы проиграете?

— То вы можете меня застрелить.

— Нет, уж потрудитесь проделать над собой эту операцию сами.

— Извольте. По рукам?

— Меня зовут Джим Сильвер, я — Серебряный король. Если вы выиграете, моя фирма выплатит вам немедленно...

— Погодите. Сперва ведь еще нужно узнать, умереть мне или путешествовать.

Тем временем мистер Филипп написал по слову в двух одинаковых билетиках и попросил у кого-нибудь из публики шляпу. Джим Сильвер предложил свою, и клерк опустил в нее оба билетика.

— Так как я держу с вами пари, то не позволите ли вы мне самому вытянуть жребий? — спросил Джим Сильвер.

— Пожалуйста, — отвечал Бессребреник, скрестив на груди руки и гордо выпрямившись.

Вопрос шел о его жизни и смерти, а между тем он был спокоен до неправдоподобия. У дам, присутствовавших при этой чисто американской сцене, захватило дух. Джим Сильвер опустил руку в шляпу, которую держал клерк. Бессребреник взял в руки револьвер и взвел курок... В этот момент в толпе раздался громкий женский крик:

— Остановитесь!.. Не надо! Не надо!.. Я готова выйти замуж за этого джентльмена!..

Поднялся целый ураган возгласов разочарования. Вот как! Свадьба!.. Никто не ожидал такой пошлой развязки. Но и у дамы, сделавшей такое неожиданное предложение, тоже нашлись сторонники, закричавшие ей «браво» и на руках поднявшие ее на эстраду, где стоял Бессребреник. Дама была прелестна. Вся розовенькая, с белоснежными жемчужными зубками и коралловыми губками, с белокурыми волосами оттенка пламени, она так мило смотрела на таинственного джентльмена своими добрыми голубыми глазами, ожидая ответа...

Но Бессребреник молчал. Тогда дама проговорила:

— Я — миссис Клавдия Остин, вдова Джофри Остина. Мне двадцать два года, я бездетна и имею состояние в полтора миллиона долларов. Хотите

жениться на мне? Я готова хоть сию минуту. Среди публики, наверное, найдется пастор, и даже не один.

Никто из присутствовавших не сомневался, что Бессребреник примет предложение. Но этот человек, не имевший ничего, даже одежды, дал совершенно неожиданный ответ, по-прежнему невозмутимо и бесстрашно:

— Сударыня, ваше предложение делает мне огромную честь. Ваша красота достойна трона... Но — простите меня, я не могу на вас жениться.

— Вы отказываетесь!.. — хрипло вскрикнула миссис Остин, побледнев как смерть.

— Увы!.. Во-первых, я не чувствую себя способным дать счастье женщине, а во-вторых, не желаю себя продавать. Золотая цепь все равно цепь, а я больше всего дорожу свободой.

Он грациозно поклонился, причем его газеты зашелестели. Это было очень смешно, но никто не засмеялся.

— Я почувствовала к вам сострадание, — надменно выговорила миссис Клавдия. — Вы не захотели... Будете потом жалеть.

— Разумеется... если только через четверть минуты не прострелю себе висок.

С этими словами Бессребреник сделал Джиму Сильверу быстрый знак. Серебряный король опустил свою жирную руку на самое дно шляпы,

достал оттуда билетик и начал его медленно, методично разворачивать, раздражая нетерпеливую публику.

Бессребреник приставил дуло револьвера к виску.

ГЛАВА II

Путешествие. — Ревани дяди Тома. — Бессребреник превращается в сэндвича. — Лучшая вакса в мире! — Зачем Снеговик наваксил Бессребренику ноги. — Снаряжение и вооружение. — Пиф и Паф.

Некоторые дамы, почувствительнее, закрыли глаза руками, не забыв раздвинуть, однако, слегка пальцы...

— Путешествие! — глухим голосом, точно фонограф, произнес Серебряный король. — Джентльмен, вы должны пройти в продолжение года сорок тысяч километров.

— Ладно, — абсолютно бесстрастно ответил Бессребреник.

— Когда вы отправляетесь?

— Сейчас.

— Ставлю миллион долларов против джентльмена, — вскричала миссис Клавдия Остин, жертвуя в порыве обиды двумя третями своего состояния.

— Идет! — отозвался Джим Сильвер. — Этот миллион будет моим!

— Я твердо уверена, что выиграю! — с досадой проговорила миссис Остин.

Джентльмен молча поклонился и пошел к дверям. Толпа расступилась перед ним. У дверей он еще раз поклонился и сказал:

— Леди и джентльмены! Мое путешествие начинается. — И, босой, обернутый газетами, простоволосый, он вышел на мостовую, не зная, где приклонит голову, чем пообедает.

Словом, затея была оригинальная, вполне в духе *fin de siècle*.² Пройти в один год сорок тысяч километров, совершенно отказываясь от денег!.. Господин Бессребреник должен зарабатывать себе на пропитание только своими руками и головой.

По улице он шел крупным шагом и вдруг остановился перед встретившимся ему негром, чистильщиком сапог, который смотрел на него и смеялся во всю свою крокодилову пасть. Бессребреник подумал: «Я прошел шесть метров. Когда я заработаю достаточно денег, чтобы купить записную книжку и карандаш, я зачту их. Кроме

² Конца столетия (*фр.*). — *Примеч. перев.*

того, нужно будет запастись подометром³, который я привяжу к ноге, чтобы не терять ни одного пройденного вершка...»

Придя к такому заключению, он очень вежливо поклонился негру, который надменно смерил его взглядом с головы до ног и не удостоил ответным поклоном. Негры, с тех пор как их освободили, при каждом удобном случае норовят сделать какую-нибудь пакость белому. Покойный дядя Том мстит за себя! Черный джентльмен-чистильщик при виде нищего белого, готового войти с ним в контакт, вознамерился набить себе цену.

— Не нужен ли вам помощник? — спросил Бессребреник.

Негр покатился со смеху.

— Хи! Хи! Хи!.. Белый хочет чистить сапоги постояльцам гостиницы и прохожим!

— Да, я очень беден и хочу заработать несколько пенсов на хлеб.

— Я не хочу делать из вас чистильщика... Это слишком хорошее ремесло для такого бродяги, как

³ Подометр — прибор для определения длины преодоленного пути, имеющий специальный часовой механизм, который показывает число оборотов, сделанных колесами, или число пройденных шагов.

вы.

Из гостиницы «Космополит» толпой валила публика, окружая негра и белого и с любопытством наблюдая за первыми шагами кругосветного путешественника. Негр раздумывал, всей пятерней почесывая свою курчавую голову. Но вот снова раздался его идиотский смех.

— Хи! Хи! Хи!.. Я с вами проделаю хорошую аферу, если не возражаете.

Бессребреник холодно ответил:

— У меня нет выбора, я согласен на все, что вы потребуете.

— Прекрасно. Хотите служить мне сэндвичем?

— С удовольствием.

— Так ставьте же скорее свою ногу на мой ящик, как будто бы на вас есть обувь.

Бессребреник послушно исполнил приказание; негр взял щетку, плюнул на нее, помазал ваксой и принялся чернить ему всю ногу, то есть ступню и голень.

— Лучшая вакса в мире! — проговорил негр.

— Я уверен в этом! — невозмутимо согласился джентльмен.

Негр точно так же наваксил ему и вторую ногу — обе блестели, как лакированные сапоги. Тогда негр сказал:

— Так как вы теперь сэндвич для моей ваксы,

то войдите в ручей и докажите, что эта вакса не смывается водой.

Бесстрастные черты Бессребреника осветились улыбкой.

— Вы самый догадливый из чистильщиков сапог, — сказал он. — Как ваше имя?

— В гостинице «Космополит» все зовут меня Снеговик.

— Вы и похожи... Итак, господин Снеговик, вы очень умный джентльмен. Я сделаю, что приказываете.

— Погодите минутку, — сказал негр, обрадованный этим комплиментом.

Обмакнув палец в ваксу, он крупными буквами написал на газетном листе, прикрывавшем спину Бессребреника: «Лучшая в мире вакса! Продается у джентльмена-чистильщика при гостинице «Космополит»».

Бессребреник хотел уже идти, но Снеговик опять задержал его:

— Погодите. Вы — сандвич; я напишу у вас это объявление и спереди.

— Конечно. Но сколько же вы заплатите мне за мой труд?

— Я не богат... Могу дать вам старые брюки, кусок хлеба и томатов...

— Вы не из щедрых... Почему продаете вы свою ваксу?

— По шиллингу за коробку.

— Продавайте по два доллара, и разделим прибыль пополам.

— Два доллара!.. Вы с ума сошли.

— Нет, это вы осел.

— Молчать!.. Я ваш хозяин...

— Довольно! — резко остановил его джентльмен. — Замолчите, или я вас сброшу в ручей.

Негр в одну минуту утихомирился и принял условие Бессребреника, хотя и не понял его идеи. Бессребреник степенно вошел в ручей с видом настоящего человека-сэндвича, а из окон и с улицы на него в восторге смотрели зрители. Вакса выдерживала воду. Бессребреник добросовестно болтал ногами в воде, чтобы показать прочность ваксы.

— Фи, господин Бессребреник! — раздался вдруг ироничный возглас. — За какое ремесло вы взялись!

Джентльмен в это время отсчитывал:

— Сто двадцать шесть! Сто двадцать семь!..

Он обернулся и увидел миссис Остин, смотревшую на него с презрением и гневом. Он молча поклонился ей и продолжал считать шаги. Сбежались репортеры и с криком «ура!» кинулись записывать что-то в своих книжках. Художники набрасывали эскизы и опрометью мчались с ними в

свои редакции. Фотографы, радуясь моменту, знай щелкали аппаратами. Конки звонили, локомотивы били в колокол в честь Бессребреника. Деревянный ящик с коробками ваксы подвергся штурму. Снеговик продавал ее по три, по четыре, даже по шесть долларов за коробочку. Менее чем в десять минут все было расхвачано, ничего не осталось. Сбор равнялся ста долларам. Негр рвал на себе волосы с досады, что ваксы у него так мало.

Бессребреник возвратился к своему патрону, важно считая шаги. Снеговик хотел в восторге броситься к нему на шею, но джентльмен остановил его. Негр добросовестно разделил с ним прибыль и сказал:

— Послушайте, заключим союз... Мы наживем с вами миллион...

— Вы понимаете по-латыни? — спросил его Бессребреник.

— А что это такое?

— Жаль. А то я бы сказал вам: *non bis in idem*.⁴

— Что это значит?

— Это значит, что в один день нельзя дважды продать на сто долларов ваксы.

— Да отчего же?..

⁴ Не дважды за то же самое (*лат.*).

— Прощайте, сэр. Мы квиты.

— Неужели мы не увидимся с вами завтра? —
запричитал негр.

— Возможно, что и увидимся. Мудреного в этом нет... Ну да, конечно, я приду сюда завтра.

Почти напротив находился магазин готового платья. Бессребреник зашел в него и купил себе за пятнадцать долларов полную пару из синего шевиота, и тут же, в задней комнате магазина, переделся в нее. Теперь он больше походил на порядочного человека, хотя у него еще не было ни белья, ни обуви. Прихватив под мышку газеты, служившие ему для прикрытия наготы, он отнес их в гостиницу коридорному, которому дал за это два доллара на чай. Чистильщик Снеговик немедленно скупил все эти газеты за десять долларов, считая их талисманом. На оставшиеся деньги Бессребреник купил себе белье, шляпу, серую блузу, лорнет с дымчатыми стеклами, записную книжку с карандашом, подометр и, наконец, револьвер Кольта⁵. От всех покупок у него осталось шесть долларов; с этими деньгами он вернулся в гостиницу. У подъезда он достал книжку и на

⁵ Кольт Сэмюэл (1814–1862) — американский конструктор и промышленник. Усовершенствовал (1835) револьвер, названный его именем.

первой странице написал: «40 000 000 метров», а на другой странице, напротив этой цифры, — «857», то есть расстояние, которое следовало ему пройти и которое он уже прошел.

Клерк гостиницы мистер Филипп встретил его как старого знакомого и записал в список постояльцев. За комнату с него взяли два доллара, за обед — доллар. У Бессребреника остались, таким образом, три доллара. Тогда он купил себе дюжину сигар с принадлежностями для закуривания и остался с шестью шиллингами и семью пенсами. Отворив окно, он выбросил эти деньги на мостовую и, вздохнув с облегчением, сел в кресло-качалку, покуривая сигару и бормоча:

— Ну вот! Я теперь опять свободен, опять бессребреник и могу отдохнуть.

Едва он подумал об отдыхе, как в двери его номера зазвенел электрический звонок. Досадуя, вскочил он с кресла и пошел отворять. Вошли какие-то две подозрительные личности, похожие на сыщиков.

— Что вам угодно? — хмуро спросил он.

Один из незнакомцев притронулся к засаленным полям своей поношенной шляпы и представился:

— Я — мистер Пиф, а это мой товарищ — мистер Паф.

ГЛАВА III

Будущие спутники. — По телефону. — Приглашение на «цветной» обед. — Совещание. — Лакей Бессребреника. — 15 000 франков сбора. — Спички в две с половиной тысячи франков.

Худой, как гвоздь, длиннолицый, крючконосый, с тонким и широким, точно саблей прорезанным ртом, лопоухий, в длиннополом поношенном сюртуке, мистер Пиф напоминал Дон-Кихота, переряженного пастором-расстригой, но глаза у него были холодные и пронизательные. Мистер Паф являл резкую противоположность своему товарищу. Круглый, коротконогий, с огромным животом, апоплексической шеей, грушеобразным красным носом, с двойным подбородком и перстнями на жирных руках, он имел вид обжоры и пьяницы, но взгляд его был исключительно быстр и энергичен. Обращение обоих, донельзя учтивое, заставляло предположить их неамериканское происхождение: ведь известно, что янки — народ грубый и невежливый.

Бессребреник смотрел на них, как человек, желающий поскорее сплавить докучливых посетителей. Мистер Пиф продолжал своим густым басом:

— Мистер Паф — бывший сыщик... Я тоже... Мы вновь вернулись к нашей специальности за счет

мистера Джима Сильвера.

— Да мне-то какое до этого дело?

— Очень большое. Мистер Сильвер поручил нам всюду сопровождать вас.

— Как?.. Что?..

— Для того чтобы следить за точным исполнением пари.

— Вот оно что... Это чтобы у меня действительно не было ни гроша в кармане...

— Именно. За довольно кругленький гонорар мы обязались дать Серебряному королю подробный отчет о вашем оригинальном путешествии.

Мистер Паф перебил пронзительным голосом:

— При этом мы не имеем права помогать вам ни в чем.

— Я ни за чем к вам и не обращаюсь! — вскричал Бессребреник. — Но скажите, пожалуйста: зачем, собственно, вы пожаловали ко мне?

— Очень просто, — отвечал мистер Пиф. — Вы — джентльмен выдающийся, и мы вам очень симпатизируем. Так как нам придется ежедневно видеться, то мы сочли своим долгом представиться вам.

Все это было очень вежливо, совсем не в американском духе. Бессребреник отвечал:

— Сказать по правде, я не предвидел такого надзора за собой, но, во всяком случае, он мне

нисколько не помешает, и я охотно готов пожать вам руку и сказать «до свидания».

Пиф и Паф остались очень довольны таким приемом и, пожав руку Бессребренику, немедленно сняли себе номер в гостинице.

Бессребреник снова закурил сигару и уселся в легкое кресло-качалку, собираясь предаться отдыху, как зазвонил телефон. «Опять!» — полусмеясь-полусердясь, подумал он и встал к телефону.

— Господин Бессребреник?

— Что угодно?

— Вы согласны посылать корреспонденции в «Нью-Йорк Геральд», пока будете путешествовать?

— Отчего же нет?

— Редакция заплатит вам, сколько пожелаете.

— Мне достаточно обыкновенного гонорара.

— Отлично!

И Бессребреник подумал про себя: «Это будет мне хорошей поддержкой». Он снова бросился в качалку и закурил сигару. Опять зазвонил телефон. Бессребреник начал уже сердиться.

— Господин Бессребреник?

— Я. Что нужно?

— Не возьмете ли вы с собой фотографический аппарат фирмы...

Следующий собеседник со всей непосредственностью предложил:

— Не хотите ли принять макинтош от фирмы...

— Нет!

— Мистер Бессребреник!.. Мистер Бессребреник!.. Важное дело!..

— Что такое?

— Не прочтете ли вы сегодня лекцию в политехническом зале?

Новый вопрос:

— Мистер Бессребреник, послезавтра в Чикаго ваши поклонники дают «цветной» обед в вашу честь. Приедете?

— С удовольствием!

— Итак... мы на вас рассчитываем.

Телефон продолжал звонить. Ударом кулака Бессребреник сшиб его со стены.

— Довольно!.. У меня уже голова трещит! Сегодня — лекция, завтра — поездка в Чикаго на «цветной» обед... Довольно, довольно!

Избавившись от телефона, джентльмен спокойно докурил сигару, покачался в кресле и заснул. Проснувшись к обеду, он покушал с большим аппетитом, потом привязал к ноге подометр и пешком отправился в политехнический зал читать лекцию. У дверей гостиницы он увидел негра Снеговика и расхохотался: тот оделся в газеты, которые прежде прикрывали наготу Бессребреника, и старательно продавал свою ваксу.

Но торговля шла плохо: он назначил сумасшедшую цену, и над ним только смеялись. Поскольку негр истратил все свои деньги, ему оставалось теперь лишь кусать себе локти. Увидав Бессребреника, он смиренно приблизился к нему и жалобно проговорил:

— Несчастный Снеговик разорился. Торговля его пропала. Не нужен ли вам слуга?

Джентльмену стало жаль его. Совсем не подумав о том, что придется кормить и таскать за собой лишнего человека, он сказал ему:

— Следуй за мной.

Снеговик от радости подпрыгнул, одним взмахом руки сбросил в ручей все принадлежности своего ремесла и, раздвинув до ушей свою громадную пасть, зашагал за своим новым хозяином.

Когда Бессребреник вошел в залу, она была полна. Прибытие джентльмена было встречено громкими аплодисментами и криками «браво!». В первом ряду сидели мистеры Пиф и Паф и миссис Остин с карандашом и книжкой в руке.

Поставив позади слугу, Бессребреник поклонился публике и начал лекцию. Он не готовился совершенно, говорил по вдохновению и имел огромный успех. Говорил он решительно обо всем: о больших путешествиях, о мореплавании, о воздушных шарах, о медицине, о кухне, о

политэкономии, о промышленности и т. д. Рассказывал удивительные истории, невообразимые приключения; подтрунивал над американцами вообще и над своими слушателями в частности; продернул Джима Сильвера — Серебряного короля, Пифа и Пафа, а под конец и самого себя. Лектора хотели нести на руках, до такой степени его лекция понравилась публике. Сбор за лекцию был превосходный: около 15 000 франков. Для человека, не имеющего в кармане ни гроша, это было очень и очень много. Бессребреник тут же послал слугу приобрести для себя приличную одежду и купил в конторе два билета до Чикаго. Как известно, железнодорожные билеты продаются в Америке везде.

Через двадцать минут Снеговик вернулся одетый ковбоем. Этот костюм был его давнишней мечтой. Стоил он пятьсот франков. От радости Снеговик так и сиял. Два билета до Чикаго обошлись в двести пятьдесят франков. В гостинице за помещение и стол было заплачено на сутки вперед. У джентльмена оставалось, таким образом, 2850 долларов. Нужно было их куда-нибудь сбыть, чтобы не нарушить условий пари. Золото и серебро он разменял на банковские билеты и достал из портсигара четыре сигары. Одну он предложил мистеру Пифу, другую мистеру Пафу, третью Снеговичу, а четвертую взял себе. Затем, свернув

фитилем билет в пятьсот долларов, дал его Снеговуку, приказав:

— Держи и стой смирно!

Точно так же свернул он еще три такие ассигнации, две из них отдал сыщикам, а четвертую оставил у себя.

— Зажигай! — приказал он негру, указывая на газовый рожок, горевший для курильщиков.

Негр скорчил рожу и хотел возразить, но Бессребреник перебил:

— Слушайся или убирайся к черту!

Негр с отчаянием в сердце исполнил приказание.

— Хорошо. Подай теперь огня этим господам.

Негр подал Пифу и Пафу горящую бумагу, о которую те зажгли свои банкноты. Как истинные американцы, они поняли и оценили поступок Бессребреника. Закурив свои сигары, они не без волнения сделали несколько затяжек.

— Вы — человек стоящий, — объявили они, пожимая Бессребренику руки. — Надо думать, мы с вами далеко пойдем.

— Я уверен в этом... Эй, Снеговик! В нашей кассе осталось еще восемьсот пятьдесят долларов. Возьми их себе. До завтрашнего дня ты можешь их пропить, проиграть, проесть, потерять... Но помни, что ты не имеешь права сохранить при себе хотя бы грош, покуда ты со мною. Не забудь также, что

завтра в восемь утра мы едем в Чикаго.

ГЛАВА IV

Нечего есть. — Опять миссис Клавдия. — «Черный» обед в честь дебюта. — Мнение Бессребренника об оригинальном обеде. — Нефтяная королева. — Планы на будущее. — Телеграмма. — Басня о молочнице и кринке молока. — Компания. — Мистер Бессребренник и миссис Бессребреница.

На станции, откуда отходил поезд в Чикаго, Бессребренник застал, как и ожидал, Пифа и Пафа. После вежливого обмена приветствиями все четверо сели в один вагон, причем Снеговик устроился весьма демократично — рядом со своим господином, — и стали ждать свистка. Наконец тяжелая машина пришла в движение, и поезд тронулся. Оба сыщика уселись по-американски: склонив головы на грудь и положив ноги на спинку противоположного кресла.

Снеговик, быстро перенимавший «хорошие» манеры, принял ту же позу и для большей устойчивости еще зацепился шпорами за обивку дивана. На диване как раз сидел его господин, но последний нашел эту фамильярность чернокожего вполне естественной.

Поезд мчался, выбрасывая клубы дыма, мимо

городов, местечек, мостов, водопроводов, мчался через тоннели, равнины, — к великому изумлению негра, который до тех пор не представлял, что свет так велик. Среди пассажиров он пользовался успехом, вызывая всеобщее любопытство своим костюмом ковбоя, ибо в этих краях подобные джентльмены известны мало и пользуются сомнительной репутацией. Снеговик же, очень довольный производимым эффектом, принимал важные позы, выпячивая грудь, — словом, рисовался. Но от Нью-Йорка до Чикаго дорога длинная, и после пяти-шести часов пути негр почувствовал, что голоден. Он сообщил об этом своему господину, и тот воскликнул:

— Ах, а я об этом и не подумал!.. Только, видишь ли, у меня нет ни пенса в кармане; придется подтянуть животы.

В эту минуту из вагона-буфета вернулись Пиф и Паф, плотно закусившие, веселые, с зубочистками в зубах. Снеговик, высунувшись из окна, впитывал в себя кухонные ароматы, которыми благоухал воздух, и, стягивая пояс, бормотал:

— Плохой вы негр, мистер Снеговик! Вам пришлось зажигать сигару о зеленую бумажку?.. Ну и как — хорошо? В животе так и переливается — глу... глу... глу!.. А денег ни гроша, поесть не на что!.. Другой раз надо откладывать деньги... экономить!

— Только попадись мне с этим! — проворчал Бессребреник. — Ты вздумал экономить!.. Стало быть, тебе захотелось моей смерти?..

Минуло еще два часа, и Снеговик, выйдя из вагона, вернулся с громадным куском ветчины, которую принялся жадно уплетать. Бессребреник вздумал было отнять ее, но голодный негр вцепился в свою добычу и оскалил клыки, как собака, защищающая кость.

— Тебе дали эту ветчину?.. Ты ее выпросил? Знай раз и навсегда, что мы не должны принимать ничего, чего не заработали...

— Да я ее и не принял, — возразил негр.

— Стало быть, ты ее украл?

— Да, взял у буфетчика.

— Вот отлично! — воскликнул джентльмен, смеясь. — Когда мы условливались, о краже ничего не было говорено, — стало быть, она и не запрещалась. Так что воруй себе, мой друг, только не попадайся.

Негр съел до последней крошки ветчину, между тем как его голодный господин, совершенно изнуренный, старался проспать те мили и часы, которые им еще оставались.

— Чикаго!.. Чикаго!..

Этот крик разбудил его, возвещая, что они наконец приехали. Он вышел из вагона в сопровождении негра, и у него, никогда ничему не

удивлявшегося, вырвалось восклицание изумления при виде молоденькой женщины, одетой в изящный дорожный костюм и с пледом на ремнях в руке.

— Здравствуйте, мистер Бессребреник.

— К вашим услугам, миссис Клавдия Остин.

— Куда вы?

— Еду на «цветной» обед.

— К кому?

— Не знаю.

— Какая улица?.. Какой номер?

— И того не ведаю.

— И вы уехали из Нью-Йорка, не справившись?..

— Те, кто пригласил, сумеют отыскать меня...

А вы?.. Я же вас недавно видел в Нью-Йорке...

— Я приехала с этим же поездом. Вам не неприятно будет пройтись со мной под руку?

— Буду весьма польщен, очень счастлив...

Несметная толпа репортеров, фотографов, художников, любопытных чуть не раздавила их. Миссис Клавдия Остин взяла под руку джентльмена; Снеговик последовал за ними, Пиф и Паф делали невероятные усилия, чтобы толпа не оттерла их.

— Бессребреник! Бессребреник! — кричала толпа репортеров. — Где вы, мистер Бессребреник?

Радуюсь, что ему удалось скрыться неузнанным, джентльмен быстро шел по улице,

между тем как его искали по всем углам вокзала.

— Как же вы намерены поступить? — допрашивала между тем миссис Клавдия.

— Остановлюсь в «Атениуме», объявлю о своем прибытии и начну зарабатывать на пропитание.

— В таком случае доведите меня...

— Я только что собирался просить вас оказать мне эту честь.

Они шли около получаса, наконец молодая женщина остановилась перед роскошным отелем. Она вошла как к себе домой, говоря:

— Войдите, я вас представлю.

Бессребреник, имевший девизом «*nihil admirari*»,⁶ последовал за любезной хозяйкой. Они вошли в великолепную залу, где уже было несколько леди и джентльменов в нарядных туалетах. При появлении миссис Клавдии и ее спутника поднялся легкий ропот изумления, тотчас же прерванный звонким голосом миссис Остин:

— Господа, позвольте мне представить мистера Бессребреника, героя дня... Он принял на веру приглашение на обед, которое я послала ему в Нью-Йорк. Мистер Бессребреник, здесь вы у меня в гостях. Позвольте вашу руку и пойдемте в

⁶ Ничему не удивляться (*лат.*).

столовую.

При этих словах молодая женщина сбросила серый кашпусьер, окутывавший ее с головы до ног, и появилась в декольтированном черном атласном платье, с черными жемчужинами в ушах и звездой из черных бриллиантов, воткнутой во вьющиеся пряди пепельных волос... Мистер Бессребреник был ослеплен. Он вежливо поклонился и проговорил:

— Вы — волшебница!

Все направились в столовую, и при виде ее странного убранства у молодых леди вырвалось восклицание испуга.

Следует сказать два слова о «цветных» обедах — этой странной, оригинальной и, надо признаться, отнюдь не изящной выдумке американцев. На этих обедах — «голубых», «желтых», «зеленых» или «лиловых» — все должно приближаться по тону к тому цвету, который избрала хозяйка дома. Все должно быть розовым или голубым, лиловым или желтым: убранство столовой, посуда, туалеты дам, блюда, десерт, бутоньерки у мужчин, даже драгоценные камни. Самый обыкновенный — «розовый» обед: торжество лососины, ростбифа, биска, томатов, креветок, кремов, редиски, красиво убранных пирожных, фруктов, роз.

— Насколько я знаю, еще никто не давал «черного» обеда, — сказала, улыбаясь, миссис

Клавдия. — И вот мне, женщине эксцентричной, пришло в голову устроить такой обед в честь вашего дебюта, мистер Бессребреник. Как вы находите, успешно выполнен мой план?

— Чудесно! — отвечал, смеясь, джентльмен. — Невозможно напомнить более оригинальным образом о моих приключениях в то время, когда я был человеком-сэндвичем, живой рекламой... Кстати, куда девался Снеговик, мой бывший хозяин, а теперешний слуга?

— Не беспокойтесь о нем. Мистер Пиф и мистер Паф позаботились о его черной персоне.

— Прекрасно.

Гости заняли места по указанию любезной хозяйки, и мистер Бессребреник, сидевший по правую руку от нее, не без иронии стал созерцать оригинальное зрелище, представшее его взору. Зрелище было действительно странное и вместе с тем мрачное. Огромная столовая вся обтянута черным, в том числе и потолок. Черный ковер на полу. Стол накрыт черной бархатной скатертью, на которую положено меню, написанное белым на черном фоне, и карточки с именами гостей. Салфетки черные, так же как и посуда и серебро, которому с помощью гальванопластики придали оригинальный оттенок старины. Прислуживали, само собой разумеется, негры, черные, как уголь. Все дамы были в черном, и единственные

украшения, допущенные хозяйкой, состояли из черных бриллиантов, черного жемчуга и оксидированного серебра.

Впечатление от такого стола под волнами электрического света, лившегося с черного потолка, получилось действительно необычайное, и гости громко восхищались.

Кушанья, которыми был уставлен стол, представляли целую гамму непривычных цветов: от коричневого до совершенно черного. Здесь были колбасы и всякие черные приправы, черная редиска, черный хлеб, темно-поджаренное мясо с темными, странными на вид и на вкус соусами. Вино подавалось густого фиолетового цвета, словно чернила, а кофе был черный. Белое — только женские плечи, мужские манжеты и манишки у рубашек, да и то многие нарядились в черное, воистину ужасное белье.

Мистер Бессребреник после шестнадцатичасового воздержания отдал должное обеду. При этом, не выпуская куса изо рта, он находил возможность любезничать со всеми, особенно с миссис Клавдией. Последняя, как истинная американка, попытавшись удивить гостя, живо интересовалась произведенным впечатлением. Эта чисто американская показная веселость, восклицания, произносимые в нос, весь этот громадный успех не принес удовлетворения миссис

Клавдии, поскольку все было исключительно в стиле янки.

Она подозревала, что мистер Бессребреник — иностранец, быть может, даже француз, и понимала, что такой мрачный праздник грешит отсутствием хорошего вкуса. Мнение Бессребреника хозяйка ставила особенно высоко, так как вообще относилась к нему далеко не равнодушно. Любила ли она его?.. Или ненавидела?.. Быть может, и то, и другое вместе, но, как настоящая, избалованная успехом и всеобщим вниманием американка, она не была способна сказать ни «да», ни «нет». Для миссис Клавдии было достаточным, что этот иностранец выказал к ней равнодушие, чтобы она вспылала к нему интересом, более чем к кому-либо другому. Кроме того, она была заинтересована в продолжении знакомства с ним еще и потому, что оно приносило ей успех, приковывало внимание к ее поступкам, а ради рекламы женщина конца века готова была пожертвовать всем...

— Скажите же мне, что вы думаете обо всем этом? — наконец спросила она мистера Бессребреника, отдавшего должное всем черным яствам.

— О чем?.. О поваре?.. О кушаньях?..

— Мне хотелось бы знать ваше мнение обо всем.

— Что же! Повар ваш совершил подвиг... придумать такие блюда — настоящий подвиг... Убранство тоже оригинально... А что касается гостей — я скажу, что янки умеют ценить подобные проявления оригинальности.

Миссис Клавдия изобразила мину избалованного ребенка, капризно покачала своей хорошенькой головкой, пепельные кудри которой еще рельефнее выдавались на черном фоне всей обстановки, и с гримасой проговорила:

— Вы несколько жестоко относитесь к моему празднику и его устроительнице...

— Вы намереваетесь защищать янки и признаете за ними тонкий вкус?

— В таком случае я, как американка...

— Вы прежде всего женщина; ваш каприз — закон, это ваше право.

— Вы уклоняетесь от ответа... Мой обед...

— Я говорю, что очень приятно быть настолько богатой, чтобы позволить себе подобные увеселения...

— Я знаю, как это оценят в Америке! Но в Европе... Вы не американец?

— И вовсе не горюю об этом.

— Вы родились в Европе?

— Кто знает!

— Вы француз?

— Может быть.

— Парижанин?

— Я — человек без гроша в кармане.

— Это так, но от вас зависело сделаться ли миллионером!

— Куда уж мне!..

— Вы имели бы солидное состояние, и в два-три года могли его удвоить.

— Благодарю за хорошее мнение.

— Я — владелица нефтяных скважин, открытых недавно в Дакоте.

— Я мельком слышал об этом.

— Там теперь возник уже целый городок — Нью-Ойл-Сити, будущий соперник многолюдной Петролии в Пенсильвании... Мистер Джей Голд — Золотой король, мистер Джим Сильвер — Серебряный, а я сделаюсь Нефтяной королевой. У меня будет дворец в Нью-Йорке, коттедж в Йеллоустон-парке, собственный салон-вагон на всех железных дорогах, отель в Париже, вилла в Ницце, яхта водоизмещением в тысячу тонн на океане... Я буду блистать по своему капризу на землях и морях то одного, то другого полушария.

— Вы не находите, что все это будет слишком утомительно? — спросил джентльмен равнодушным тоном.

Но восклицания, вызванные у гостей планами на будущее красавицы вдовы, заглушили вопрос Бессребреника. Все знали историю быстрого

обогащения миссис Клавдии: ее покойный муж, молодой инженер, погибший в одной из ужасных железнодорожных катастроф, разбогател благодаря счастливой случайности.

Миссис Клавдия Остин не продала землю, на которой оказались нефтяные скважины, а продолжала их разработку. Со свойственной ей сообразительностью и энергией она сумела наладить работу и заставить всех — от последнего рабочего до главного инженера — повиноваться себе. За полтора года она получила от своего предприятия прибыль в полтора миллиона долларов и положила ее неприкосновенным капиталом. Многие ею восхищались, и у красивой, высокообразованной, деловой женщины не было недостатка в женихах. Говоря со своим гостем, она возвысила голос так, чтобы все присутствующие слышали ее. Поскольку все всерьез верили в возможность осуществления грандиозной мечты, то и отнеслись к ней с шумным восторгом. Один из гостей встал и, подняв бокал с фиолетовым вином, предложил тост:

— Леди и джентльмены! Божественная хозяйка позволит мне поднять бокал в ее честь. Пью за здоровье миссис Клавдии Остин, королевы ума и красоты и — все надеемся — будущей, в скором времени, Нефтяной королевы...

Под звон стаканов, наполненных темным

вином, и восторженные возгласы гостей в комнату вошел метрдотель миссис Клавдии. Одетый в безукоризненный черный костюм, он был единственный белокожий слуга. Представьте ужас хозяйки! Это бледное лицо явилось вопиющим диссонансом в окружающей обстановке... Еще одна непростительная оплошность: непрошенный гость держал в руках не черный лаковый поднос, а белый. А на подносе?..

— Что такое, мистер Шарп?.. Зачем вы вошли?

— Важная телеграмма.

— Как вы это определили?

— Я прочел ее, прежде чем нарушить ваше приказание... Я — старый и верный слуга.

— Хорошо, мистер Шарп, — сказала миссис Клавдия, разворачивая депешу.

Телеграмма была длинная, и, по мере того как молодая женщина читала ее, лицо ее покрывала бледность. Когда она закончила, губы ее были почти так же белы, как щеки. Это было, впрочем, единственным проявлением волнения, так как руки ее не дрожали, а глаза сверкали. Наступило тяжелое выжидательное молчание.

— Будем же продолжать смеяться, пить и кушать, — обратилась миссис Клавдия к гостям, но голос ее при этом слегка дрожал и как бы потерял некоторую долю звучности. — Мы собрались здесь,

чтобы развлекаться, так будем же веселиться!

Затем, обращаясь к джентльмену, предложившему тост, она прибавила:

— Нефтяная королева благодарит вас за ваши пожелания.

К ней вернулось спокойствие, щеки ее снова порозовели, губы заалели. Она передала телеграмму Бессребренику со словами:

— Я думаю, вы поступили благоразумно, не женившись на мне.

Джентльмен вопросительно взглянул на миссис Клавдию.

— Прочтите, — сказала миссис Остин, — и вы поймете.

Он повиновался, изумленный.

«Доводим до сведения миссис Клавдии Остин, что ковбои осаждают Нью-Ойл-Сити. Нефтяные цистерны горят. Собираются взорвать скважины динамитом. Рабочие сопротивляются, но боимся, что нельзя будет долго продержаться. Убытки громадны. Бедствие ужасное. Необходимы скорые, решительные меры. Иначе — разорение. Просим немедленно прислать помощь, деньги, инструкции. Надо во что бы то ни стало предупредить дальнейшие взрывы цистерн.

Гаррисон, главный инженер».

Бессребреник возвратил телеграмму миссис Клавдии, которая пристально взглянула на него и спросила:

— Что вы на это скажете?

Он ответил с иронической улыбкой:

— Когда мне своим трудом удастся заработать достаточную сумму денег...

— Вы дадите мне займы?..

— Нет, постараюсь отложить три шиллинга...

— Чтобы?..

— Чтобы купить экземпляр басен Лафонтена.

— Это еще что такое?

— Я дам вам прочесть одну из них... Когда вы прочтете басню «Молочница и кринка молока», то убедитесь, что нет кувшина, который не мог бы опрокинуться.

— Можно подумать, что мое несчастье доставляет вам удовольствие.

— Нет, я отношусь к нему равнодушно. Мне любопытно будет увидеть, как вы выпутаетесь из затруднения, и я поздравлю вас с успехом.

— И только?

— Довольно и этого. Такие люди, как я, знают, что такое беда.

— А если я попрошу вашей помощи?..

— Подумаю... Хотя польза от человека, у которого нет ни гроша в кармане, весьма сомнительна.

— Вы — необыкновенный человек!

Она говорила тихо, без эмоций, так что гости были введены в заблуждение. Разговор снова оживился, и телеграмма стала забываться. Однако кое-кто из гостей посчитал, что хозяйка уделяет слишком много внимания этому джентльмену, но ее простили, так как он — человек дня...

— Послушайте меня, — продолжала миссис Клавдия. — Вы отказались жениться на мне, и я даже не могла рассердиться на вас... Теперь, вероятно, у меня уже нет ничего, и я предлагаю вам не брак, а товарищество.

— Я вас не понимаю?!

— Почему бы миссис Бессребренице не стать товарищем мистера Бессребреника?

— Блестящая идея!

— Так вы принимаете ее?

— Без тени колебания! Но при одном условии, — чтобы вы действительно не имели ни гроша.

ГЛАВА V

Первые трудности устранены. — Не хватило трех су! — На поезде. — «Непригодные земли» Небраски. — Последние бизоны. — Ранчо. — Первая встреча с ковбоями. — Битва. — История кондуктора, съевшего свою хозяйку.

Таким образом, отношения между миссис Клавдией Остин и крайне своеобразным джентльменом, прозванным Бессребреником, упрочились и одновременно усложнились. Они стали товарищами, но при условии, что их общий капитал будет равняться нулю. Они сложат нули, два разорения соединят в одно, составят синдикат двух бедняков и положат начало фирме «Без гроша в кармане и К°».

Бессребреник, быть может, наиболее богатый из двоих: у него нет ничего, но зато он и ничего не должен, между тем как миссис Клавдия не знает, осталось ли у нее хоть какое-то имущество или один только долг в несколько сотен тысяч долларов. Однако она не растерялась. Умная и энергичная женщина решила немедленно отправиться в дикую пустынную Дакоту, в самый центр восстания, пожара и смятения, чтобы принять личное участие в борьбе.

У янки много недостатков, но одного достоинства оспаривать нельзя — энергии, соединенной со смелостью и храбростью. Ничто не в состоянии смутить или обескуражить янки. Он с совершенным хладнокровием переносит самые ужасные бедствия и при надобности без колебания жертвует жизнью, стремясь остаться победителем в борьбе за существование. Так и миссис Клавдия Остин не только не впала в отчаяние, но даже

приготовилась к борьбе, что при сложившихся обстоятельствах было особенно непросто. Она сообщила свой план джентльмену, который ответил ей вполне серьезно:

— Следовательно, мы едем в Дакоту.

— Да, любезнейший компаньон.

— Мне надо время заработать столько, чтобы я мог заплатить за поездку из Чикаго в Денвер, и не только за себя, но и за Снеговика.

— Прошу вас, не беспокойтесь об этом.

— Напротив, мне надо серьезно продумать меры, которые следует принять.

— Издержки покроются из общественного капитала...

— Но он исчисляется нулями?..

— Примите в виде аванса сумму, необходимую на проезд и пропитание.

— Невозможно!.. Я дал официальное обещание не принимать ничего ни под видом подарка, ни займа... Иначе мое путешествие обратится в шутку.

— Как же быть?.. Время идет, и я боюсь, не поздно ли уже и сейчас.

— Поезжайте вперед, а я со своим негром догоню вас через некоторое время.

— Без вас я не поеду.

Во время разговора Бессребреник вынул записную книжку и начал что-то писать.

— Вы позволите? — спросил он у своей собеседницы, с изумлением наблюдавшей за ним.

— Конечно! Продолжайте.

Он писал с полчаса, не отрываясь, и вздохнул с облегчением, когда закончил.

— Можно узнать, в чем дело? — спросила миссис Клавдия, любопытная, как все женщины.

— Телеграмма в «Нью-Йорк Геральд», корреспондентом которой я состою.

— Она даст вам возможность заплатить за проезд?

— Надеюсь... Но прежде всего надо ее отправить.

— Кто-нибудь из моей прислуги отнесет ее. Хорошо?

— А вот и не хорошо.

— Опять не понимаю.

— Вы платите вашей прислуге, стало быть, я не могу пользоваться ее услугами... Потрудитесь припомнить, что я ничего не могу принять даром... даже толики чужой услуги.

— Вы начинаете приводить меня в отчаяние.

— Сколько вы платите жалованья вашему слуге?

— Сорок долларов в месяц.

— Стало быть, в день доллар и... Позвольте мне пересчитать на французские деньги...

— Для чего вам все это? — спросила миссис

Клавдия, начиная терять терпение.

— Вот для чего: ваш слуга получает в сутки шесть франков шестьдесят шесть сантимов, то есть в час около двадцати восьми сантимов... Предположим, что ему нужно полчаса, чтобы сходить на телеграф, стало быть, я должен уплатить ему пятнадцать сантимов, то есть три су.

— Ну а дальше?

— Этих трех су у меня нет и не должно быть, ведь я джентльмен без гроша в кармане.

Несмотря на всю серьезность положения, миссис Клавдия не могла удержаться от смеха, весьма схожего с трелями соловья.

— Это в самом деле очень забавно, но как вы думаете: в конце концов не станет ли подобное положение неудобным? — спросила она, когда припадок ее веселости начал проходить.

— Не знаю... может быть.

— Что вы намереваетесь делать?

— Очень просто: сам отнесу телеграмму.

— Могу я знать ее содержание?

— Извольте. Это подробное сообщение о вашем «черном» обеде, этой оригинальной выдумке миллионерши и хорошенькой женщины...

— Миллионерши уже нет!..

— Но хорошенькая женщина стала еще прелестнее.

— За исключением мелочей вы — сама

любезность.

— Всегда к вашим услугам.

— Бегите же на телеграф!.. Разве вы забыли, что моя нефть, весь мой завод, город, все мое состояние — все сгорело.

Джентльмен устремился на телеграф и по дороге встретил Пифа и Пафа со Снеговиком, пьяным, как истинный ковбой, проглотивший пинту сока тарантула. Все пустились вдогонку за ним, словно тот пытался от них скрыться, и успокоились, лишь увидав его входящим в здание телеграфа.

Депеша в Нью-Йорк была отправлена немедленно, и час спустя Бессребреник, по законам американской аккуратности, получил плату за свою первую статью. Прежде чем вернуться к миссис Клавдии, он зашел взять билет для себя и Снеговика. Его спутница была уже готова. Впрочем, она отправлялась по-американски, без багажа, намереваясь купить дорогой все, что понадобится. Два ручных чемоданчика, плед, непромокаемый плащ, зонт — вот и все.

Бессребреник отдал свой багаж негру, взяв с собой лишь плед с плащом на ремне, и предложил руку миссис Клавдии. Пиф и Паф не отставали от них, и все вместе они прибыли на вокзал.

Между Чикаго и Денвером нет сложности в сообщении. Всего насчитывается до пяти

железнодорожных компаний, наперебой восхваляющих удобство, комфорт и быстроту своей доставки. Все пять обществ имеют великолепные конторы и буквально наводняют отели своими объявлениями, фотографиями, цветными афишами, одна другой заманчивее. В действительности же, если вагоны и хороши, то скорость — средняя, а сам путь просто ужасен; в этом отношении ни одна из пяти конкурирующих дорог ни в чем не уступает другим.

Пиф и Паф, сдерживая порывы Снеговика, благополучно усадили его между собой в том же вагоне, где поместились его хозяин и миссис Клавдия. До Денвера было тридцать часов пути, и выехали рано. Снеговик спал, как тюлень, Пиф и Паф жевали табак и гуляли по всему поезду; Бессребреник и миссис Клавдия разговаривали, мечтали, делали записи и спали.

Проехали несколько городов и достигли наконец штата Небраска, одного из самых бесплодных во всех Штатах и занятого в большей своей части так называемыми «непригодными землями». Нельзя придумать названия, более подходящего для этих необозримых пустынных равнин, где глаз не встретит никакой другой растительности, кроме шалфея, заполнившего устойчивыми ароматами всю округу. Лишь изредка группа индейцев нарушит однообразие пустыни,

где не видно ни дерева, ни холма, ни хижины.

Поезд пошел вдоль Платт-ривер, и поля шалфея исчезли, как по волшебству. Почва становилась плодородной, и вот уже потянулись необозримые луга. Местность также равнинна, но она уже заселена. Попадаются люди, стада, фермы или ранчо. Цивилизация, хотя еще в зачатках, коснулась этих необозримых пространств и преобразила их. Там, где двадцать лет тому назад кочевали краснокожие и бродили бизоны, пасутся теперь бесчисленные стада быков, баранов и лошадей. Бизоны уже на грани полного исчезновения; их едва остается сотня голов, и закон взял их под свое покровительство, водворив в Йеллоустон-парк. Индейцы тоже близки к исчезновению. Неумеренное употребление водки и болезни, занесенные белыми, делают свое дело. В Небраске с особенной ясностью обозначились процессы, под влиянием которых преобразуется весь Американский материк с запада на восток. Людской поток, который ничто не в состоянии сдержать, будет безостановочно надвигаться, пока не заполнит все необозримое пространство между Атлантическим и Тихим океанами. На протяжении всего этого пространства то и дело возникают очажки цивилизации, быстро превращающиеся в многолюдные города. Между этими городами — иногда на громадном расстоянии — попадают

лишь маленькие деревянные домики, склады угля, колодцы, и изредка встречаются люди.

Звонит колокол. Поезд свистит, останавливается на минуту и, запасшись водой и углем, снова мчится, свистя и тяжело дыша. Любопытный путешественник, заглянув в путеводитель, с удивлением обнаруживает, что эта хижина, эти столбы с дощечками обозначены в нем как многолюдный город. Если это заметит американец, он улыбнется и скажет своим гнусавым голосом:

— Вы удивлены — и совершенно справедливо... Но приезжайте сюда лет через пять-шесть, и вы действительно увидите город с десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами жителей.

И это правда. Денвер — ярчайший тому пример. В этом городе, основанном менее двадцати пяти лет назад, насчитывается уже до ста сорока тысяч жителей. Два десятка лет назад это было жалкое местечко, а теперь в нем есть университет, уже прославившийся, биржа, несколько театров, просторные бульвары, ботанический сад, великолепные церкви, десятиэтажные дома и всюду электрическое освещение. По мере приближения к молодой нарядной столице штата Колорадо количество ферм и обработанных участков увеличивается. Скоро потянулись сплошные ранчо

с проволочной изгородью вокруг деревянных домов, стоящих среди хозяйственных построек. Там и сям пасутся быки, коровы и лошади под охраной разъезжающих верхом ковбоев, одетых почти так же, как Снеговик, и вооруженных с головы до ног. На одной из станций несколько из них сели в вагон, звеня в кармане деньгами, которые достались им с таким трудом и которые они едут промотать в шумных попойках. Они фамильярно обратились к негру, принимая его за одного из своих:

— Хелло! Бой!.. Здравствуй!

Произошел обмен рукопожатиями, от которых, казалось, мог последовать вывих плеча, и собеседники поплевали друг другу на ноги табак, который здесь все жуют с наслаждением.

— Откуда вы?.. Куда отправляетесь?..

— Из Нью-Йорка... Туда...

— Куда?

— Не знаю!

— Он глуп... или смеется над нами...

— Не смеюсь, говорю правду.

— Это не ковбой, а грязный негр, одевшийся по-нашему.

— Мошенник... Идиот... Негодяй!.. Постой, мы отучим тебя выставлять себя не тем, кто ты есть!..

Их было человек шесть; они с криками окружили негра, забавляясь его испугом, готовые

устроить шум по любому поводу. Со Снеговика сорвали шляпу и оборвали галун. От рубашки полетели ключья. Негр, еще недавно так восхищавшийся своим романтическим костюмом, плакал, как дитя, и совсем побледнел, то есть стал пепельно-серым. Он голосом и знаками умолял хозяина прийти к нему на помощь, и, наконец, Бессребреник, которого эта сцена сначала забавляла, видя, что дело может плохо кончиться, вступился за своего слугу. Кроме того, ему жаль было платья, которое ковбои грозили превратить в ключья. До окончания пути у него в кармане было всего две тартинки; что он станет делать, если придется обновлять костюм слуги?

— Господа, — обратился он миролюбивым тоном к ковбоям, — оставьте беднягу в покое.

Ему засмеялись в лицо и посоветовали в собственных интересах не вмешиваться не в свое дело. Бессребреник тоже начал смеяться, но в то же время ноздри его и верхняя губа вздернулись в странной гримасе. Миссис Клавдия смотрела на него с любопытством, словно спрашивая, как он намеревается поступить. Джентльмен встал и сказал сухим, отрывистым, совершенно изменившимся голосом:

— Я просил... Теперь приказываю... Прочь лапы, негодяи!

При этих словах ковбои на минуту выпустили

свою жертву, находя довольно смешным этого человека, осмелившегося выступить один против шестерых.

— Пойдите! — воскликнул один из них. — Мы и его разденем... Сударыня, потрудитесь пройти в соседний вагон; мы хотим его оголить, как червяка, и присутствовать при этом вам будет неловко.

Миссис Клавдия не тронулась с места, не отвечала, кажется, все более и более заинтересовываясь происходившим. Бессребреник выпрямился, выпятил грудь и заслонил собою негра. Ковбои подняли адский шум, набросились на него, вцепились в его одежду, стараясь ее разодрать. Без видимого усилия джентльмен с расчетливой точностью нанес удар в один из перепоясанных красным кушаком животов. В ту же минуту его рука разогнулась с силой стальной пружины, и следующий удар пришелся по одному из багровых носов.

Послышались возгласы: «Ах!.. Эй!», и обладатель красного кушака упал на пол, а его товарищ с разбитым носом последовал его примеру.

— Очень мило! — заметила миссис Клавдия, окончательно заинтересовавшись этим спортом.

Но это еще не финал. Предстоял поединок еще с четырьмя взбешенными противниками. Бессребреник, вероятно, проникнутый убеждением,

что нападение — лучшая форма обороны, встретил своих врагов на полдороге. Двое из ковбоев имели длинные бороды. С присущей ему силой и хладнокровием джентльмен схватил каждой рукой по бороде, сделал пол-оборота и изо всей силы дернул. Из двух глоток вырвался бешеный рев. Желая дополнить урок, Бессребреник с силой развел руки и снова сблизил их невероятным усилием.

Само собой разумеется, оба ковбоя, повинувшись силе, сначала удалившей их, а затем сблизившей, стукнулись друг о друга с глухим шумом брошенной о стену тыквы. Удар был настолько силен, что вой, исторгаемый жертвами, вдруг смолк. Джентльмен в ту же минуту выпустил бороды, и оба ковбоя, потеряв равновесие, упали на товарищей, уже прежде их лишенных возможности сопротивляться. Этот геройский поединок длился не более полминуты.

Двое оставшихся, растерявшись, смотрели на живописное смешение цветных рубашек, торчавших вверх сапог, шпор, вонзившихся в тело, судорожно сжатых рук и обезображенных физиономий. Но так как они были люди решительные, то не стали долго раздумывать. Привыкшие ко всякого рода неожиданностям и превратностям, дорожащие собственной жизнью не более, чем жизнью ближнего, они тотчас же

схватились за револьверы, намереваясь со своей невероятной ловкостью заставить джентльмена поплатиться за первые успехи.

Но едва они успели выхватить из-за пояса смертоносное оружие, как раздались два выстрела, последовавших друг за другом с такой скоростью, что почти слились в один. Оба врага, раненные в спину, упали, как подстреленные кролики. В то же время у двери, соединяющей вагоны поезда, появился кондуктор с дымящимся револьвером в руке.

— Что за адский шум подняли эти ковбои! — произнес он хриплым голосом. — Надеюсь, сударыня, вам не причинили вреда?

— Нет, благодарю вас, — отвечала миссис Клавдия без тени волнения.

— Тем лучше.

Между тем раненые стали приподниматься, ощупывая тела и головы, нывшие после борьбы с джентльменом. Последний, не говоря ни слова, с изумлением смотрел на кондуктора, права которого на поезде почти равны правам капитана на корабле.

Поезд между тем мчался на всех парах. Кондуктор сунул заряженный револьвер в карман сюртука, схватил без видимого усилия одного из раненых ковбоев за шиворот и выбросил через дверцу на пути. За первым последовал второй; потом, обращаясь к оставшимся, кондуктор

хладнокровно приказал:

— Эй, гады, прочь отсюда, за ними!.. Иначе... у меня еще два заряда в запасе.

Ковбои попытались уговорить его, но он прицелился, считая:

— Раз!.. Два!

Видя, что надежды нет, они вышли, шатаясь, на тормозную площадку, но здесь в последнюю минуту снова заколебались. Кондуктор прицелился. Предпочитая увечье верной смерти, ковбои решились на лягушечий прыжок и скатились под откос. Вот как наводится порядок в местностях, считающихся ненадежными.

Поклонившись почтительно миссис Клавдии, кондуктор совсем было собрался вернуться на свой пост, даже не удостоив взглядом четверых мужчин, что весьма характерно для Америки, как заметил Снеговика, съжившегося в кресле и трясущегося, как в лихорадке.

— Как! Еще один?.. — воскликнул он, принимая негра за ковбоя.

— Нет!.. — поспешила его уверить миссис Клавдия. — Этот негр — служащий моего спутника, того самого джентльмена, который так храбро защищал его.

— Его счастье, иначе... вы сами видите: чем меньше этих гадов, тем лучше.

— Вы их очень не любите?

— Потому что знаю их хорошо. Я сам был ковбоем.

— В самом деле!.. Каким же образом из ковбоя вы превратились в кондуктора?

— Потому что съел свою хозяйку.

— О! Это очень любопытно... Расскажите, пожалуйста.

— С удовольствием. Я работал у богатого скотовладельца, у которого жилось мне не хуже и не лучше, чем у других, то есть отвратительно. Особенно ужасной была пища: всю неделю нас кормили соленым салом, постоянно испорченным, да отвратительными лепешками из залежалой муки, которые не стали бы есть и свиньи, а не только люди. Я ставлю свиней выше, как это обыкновенно делал и наш хозяин. В один прекрасный день пала корова. Часть ее съели еще в свежем виде... Вот так полакомились... Остальное мясо посолили и — о радость! — на время забыли о сале! Когда корову прикончили, околела лошадь; ее также посолили и съели до копыт. Потом умер сторожевой пес... Его хватило только на один ужин... Как мы были рады, что судьба избавила нас от опротивевшего сала!.. Тут случилось, что упавшим деревом убило жену нашего хозяина и козу, которую она доила. Нам изжарили мясо козы, но...

— Но что же? — спросила миссис Клавдия заинтересованно.

— Мясо мне показалось с таким странным вкусом и кости такой удивительной формы, что я подумал: наверняка это хозяйка. Хозяин был так скуп!.. Я убежал, даже не попросив расчета, прикинув, что в семье еще есть пять девочек и четыре мальчика, не особенно крепких здоровьем... Вот каким образом я попал в кондукторы...

Через час после этого разговора поезд прибыл в Денвер.

ГЛАВА VI

В дороге. — Сюрприз. — Первые выстрелы. — Пожар. — Город миссис Клавдии. — Проезд свободен. — Адская кадриль. — Подвиги Бессребренника. — Динамитный патрон. — Бессребреник зарабатывает себе на обед.

Однако столица Колорадо не была окончательной целью поездки наших путешественников. Они остановились в Натчезе всего на три часа, назначив друг другу свидание на вокзале, откуда должны были отправиться в Фокс-Хилл. Вы напрасно стали бы искать это название на карте. Фокс-Хилл принадлежит к числу тех пока воображаемых городов, которые будут заселены лишь через несколько лет, а пока являют собой только распланированное место.

Миссис Клавдия, несколько расстроенная,

отправилась прежде всего к своему банкиру в Денвере. Бессребреник послал телеграмму в «Нью-Йорк Геральд», отметив про себя, что подобный способ снискать себе пропитание становится однообразно-скучным. Пиф и Паф в сопровождении неизменного Снеговика не отставали от Бессребреника ни на шаг, что, несмотря на все его хладнокровие, начинало раздражать нашего джентльмена. Он подумал, как бы ему отделаться от своих спутников, и решил при первой возможности прогнать Снеговика, ставшего для него обузой, но, не находя пока предлога для этого, злой-презлой вернулся на станцию.

Миссис Клавдия, крайне озабоченная, уже ожидала его. Сообщение банкира о событиях в Нью-Ойл-Сити было самого неутешительного свойства. Молодой женщине грозило полное разорение. Банкир изложил только фактическую сторону дела, не вдаваясь в рассуждения о причинах и не предлагая средств к спасению. Он только констатировал факты и советовал Нефтяной королеве — увы! — королеве, лишившейся своих владений, — продать все как можно скорее и таким образом спасти хотя бы остатки прежнего состояния. К своему великому изумлению, он услышал в ответ, что она имеет намерение отчаянно бороться до конца против всего и всех.

— Но известно ли вам, что там собралось

больше пятисот ковбоев, которые занялись грабежами?

— Я думала, что их тысяча...

— Стало быть, у вас есть поддержка и средства начать и продолжать борьбу?

— Конечно. Я поведу ее сама, и у меня, кроме того, есть компаньон.

— У вас есть компаньон? — с видимым беспокойством спросил банкир.

— Да, замечательный джентльмен... большой оригинал; он справляется с ковбоями, как с кроликами... Это мистер Бессребреник, вы знаете...

— А! Это тот самый эксцентричный господин?..

— Да! Он один стоит целого войска.

— Итак, вы решили во что бы то ни стало отправиться в Нью-Ойл-Сити?

— Во что бы то ни стало.

— Вы подвергаетесь большой опасности... особенно как женщина... Для разбойников нет ничего святого.

— Увидим.

— Помните, что я предупреждал вас.

— Да... да... Прощайте!

С этими словами она вышла и отправилась разыскивать своего компаньона. Они доехали по железной дороге до Фокс-Хилла, где их ждал кабриолет, запряженный рысаком. Кучер

поздоровался с миссис Клавдией, которая ответила ему крепким рукопожатием и представила его своему спутнику:

— Мистер Гаррисон, главный инженер Нью-Ойл-Сити... Мистер Бессребреник, мой компаньон.

— Так этот господин ваш компаньон? — переспросил грубо и недовольным тоном мистер Гаррисон.

— Да, этот самый, — серьезно подтвердил Бессребреник.

— И вы не боитесь, миссис Клавдия, очутиться среди сброда, разоряющего ваш город?

— Нет! И отправляюсь туда немедленно.

— Вы знаете, что вы очень рискуете?

— Знаю.

— В таком случае потрудитесь сесть со мной в кабриолет, и я повезу вас.

— Нет! Кабриолет и лошади мои... Дайте вожжи, я сама буду править... Мистер Бессребреник, садитесь возле меня.

— С удовольствием, — отвечал джентльмен, исполняя желание миссис Клавдии.

— А я? — недовольным тоном спросил инженер.

— Садитесь на заднюю скамейку. Мистер Бессребреник, как компаньон, ваш хозяин... Вы у него на службе...

Она прищелкнула языком, ослабила вожжи, и рысак стрелой помчался мимо растерявшихся, изумленных Пифа, Пафа и Снеговика.

От грациозной хозяйки потребовалось немало ловкости, чтобы проехать от станции до нефтяных колодцев по этой невозможной дороге. Та, что называлась дорогой, проходила по лесистым холмам, где на месте недавних вырубок были оставлены только пни. Можно себе представить, какие гимнастические пируэты должны были проделывать при езде люди, лошадь и экипаж! Целых три часа длилось адское путешествие, хотя от станции до Денвера не более двенадцати миль, и только американские рысаки, природная быстроходность и выносливость которых приумножены еще и соответствующим воспитанием, способны выдержать подобное.

Среди елей показалась одинокая избушка, и возле нее обширный сарай. Две оседланные лошади стояли привязанными к столбу. Заслышав звук колес, человек в костюме ковбоя вышел из избушки и остановился в ожидании. Миссис Клавдия Остин придержала лошадь, узнав одного из начальников мастерских.

— Что означает этот странный наряд, Боб? — спросила она.

— Здравствуйте, миссис Остин.

— Здравствуйте!

— Я надел этот костюм, удививший вас, чтобы незаметно внедриться в толпу добрых малых, забавляющихся там.

— А всё еще продолжают забавляться?

— Больше, чем прежде... Вот вам доказательство... Видите ли вы этот дым?.. Вероятно, зажгли вагон-цистерну с нефтью, чтобы развлечься...

Миссис Клавдия слегка побледнела, закусила губы и ничего не отвечала. Боб прибавил:

— Я приготовил лошадь для инженера; ему, вероятно, надоело сидеть сложа руки позади вас и этого господина... Гаррисон, вот лошадь.

Инженер, сойдя с кабриолета и вскочив на лошадь, спросил:

— Что нового с утра?

— Кажется, заставляют плясать жителей Нью-Ойл-Сити.

— Кто?

— Ковбои составляют оркестр. Весьма своеобразный оркестр, увидите.

Снова пустились в дорогу и скакали еще часа два. Когда въехали на вершину холма, откуда открывался вид на равнину — на громадную площадь, покрытую нефтяными колодцами, мастерскими, и на сам город, расположенный на возвышенности, — миссис Клавдия не могла сдержать гневного восклицания.

Три вагона, стоявшие на рельсах узкоколейного подъездного пути, пылали в облаках тяжелого черного дыма, медленно поднимавшегося в воздух. Люди, окружавшие вагоны и казавшиеся издали миниатюрными и худыми, прыгали вокруг, стреляя из револьверов. Белый дымок из дула появлялся гораздо раньше, чем слышался звук выстрела.

Город, уже красиво обстроившийся и многолюдный, был полон невообразимого смятения. Крики, выстрелы, нечеловеческий вой, заполонившие все вокруг, способны были привести в ужас людей не менее отважных, чем наши путешественники. В воздухе стоял отвратительный смрад, от которого тошнило и кружилась голова.

— Это запах моих миллионов, улетающих в виде огня и дыма, — сказала миссис Клавдия со смесью иронии и отчаяния в голосе.

— Я их верну вам, а если не верну, то найду для вас другие, — совершенно беспечно заметил джентльмен. — Но знаете, милая королева, ваши владения прелестны... Это город!.. Настоящий город...

— Недолго ему осталось просуществовать в руках этих дикарей... Я и теперь удивляюсь, как еще кое-что уцелело.

Уже привыкнув к неизменному хвостовству

янки, он ожидал увидеть вместо роскошно обустроенного города едва распланированное поселение. К его великому изумлению, вдоль настоящих улиц и авеню, пересекающихся под прямыми углами, как во всех американских городах, стояли настоящие дома. Мостовой, впрочем, на этих улицах и авеню не было, и тяжело нагруженные возы, проезжавшие по ним, и прогоняемые стада избородили их глубокими колеями.

Однако если существованию молодого города суждено было продлиться, то с полным основанием можно было предположить, что в скором времени повсюду появится деревянный настил. Правда, среди строений попадалось много наскоро сколоченных барачков и даже изодранных палаток, где ютились туземные рабочие; но большинство домов и магазинов были кирпичные, снабженные крепкими ставнями, большая часть которых, впрочем, была продырявлена как решето. Пограничный житель берет за револьвер при каждом удобном случае.

Джентльмену, однако, не пришлось продолжить свои наблюдения. Адский шум, усиливающийся по мере продвижения экипажа, привлек его внимание. Кабриолет, сопровождаемый обоими всадниками, въезжал на главную улицу, где находились контора, запасные магазины и

великолепный дом с квартирами инженеров, главных служащих и даже самой Нефтяной королевы, останавливающейся здесь, когда ей приходила фантазия навестить свою грязную и вонючую, но богатую столицу.

Проезжали мимо большого строения, разграбленного бешеной толпой пьяной черни. Крыша пылала, службы были охвачены огнем, а в нижнем этаже, осыпаемом дождем горящих обломков, в салуне ⁷, хозяину которого пуля раскроила череп, шла попойка. Два человека в одежде ковбоев, с рукавами, засученными по локоть, с расстегнутыми воротами, схватив труп за плечи и за ноги, выбросили его на улицу, куда он упал с глухим шумом. В то же время третий ковбой прибывал к вывеске доску с надписью углем: «Смерть вора!»

— Оригинальный и шумный въезд! — обратился джентльмен к миссис Клавдии.

Последняя, управлявшая лошадью с неподражаемыми ловкостью и хладнокровием, отвечала:

— Я тем более оцениваю этот маленький праздник, что оплачиваю расходы.

Прибывший экипаж привлек к себе внимание.

⁷ В кабаке.

При его появлении со всех сторон послышались выстрелы, засвистели пули, и одна из них разбила вдребезги фонарь кабриолета.

— Кажется, плохи дела, — заметил Бессребреник, ощупывая в кармане револьвер.

Несколько ковбоев бросились к экипажу, чтобы задержать его. Один из пьяниц закричал, схватив лошадь под уздцы:

— Пусть попляшут вместе с другими! Женщина, вперед!.. Эй, красавица... стой!

Миссис Клавдия побледнела, и ее тонкие брови сдвинулись.

— Проедем, не правда ли? — обратилась она к своему спутнику.

— Да, миссис... позвольте... одну минуту...

Говоря это, он вынул заряженный револьвер и выстрелил, почти не целясь, в ковбоя, пытавшегося остановить лошадь. Тот упал, раскинув руки. Другой пытался было схватить узду, но Бессребреник вторично спустил курок, и ковбой последовал за своим товарищем. Джентльмен спокойно объявил:

— Проезд свободен.

— Держитесь! — решительно сказала молодая женщина.

Подобрав вожжи, она изо всех сил стегнула рысака. Взбешенная лошадь, не помня себя, рванулась вперед прямо на ряд ковбоев,

сбежавшихся на выстрелы и загородивших дорогу. Бессребреник в третий раз поднял револьвер и выстрелил. Третий противник упал, вытянувшись во всю длину, пораженный, как и первые два, пулей в самое переносье.

Путь свободен. Пущенная во весь карьер лошадь помчалась как стрела, и скоро экипаж выехал на главную площадь, где возвышались постройки правления и сам завод. Здесь царило невообразимое смятение. Пешие и конные ковбои — все более или менее пьяные и возбужденные алкоголем, дрались, кричали, жестикулировали, беспрерывно стреляли из револьверов.

Толпа окружила человек пятьдесят рабочих в одних рубахах и сапогах. Они отчаянно выплясывали, но по их судорожным телодвижениям нельзя было предположить, чтобы они веселились. Рубашки у многих были залиты кровью. Время от времени раздавался залп выстрелов, сопровождаемый грубым смехом. Когда кто-нибудь из танцоров замедлял движение, он вдруг испускал крик и затем начинал отчаянно прыгать, словно рубаха на нем горела.

Стараясь прослыть за настоящего ковбоя, Боб, скакавший рядом с экипажем, принялся вторить рычавшим музыкантам, выбивавшим такт выстрелами из револьверов. Его возгласы обратили на него внимание, слышались крики:

— Хозяйка едет!.. Эта шутить не любит... Будет что-то новенькое!.. А с ней каналья инженер!.. Оставьте!.. Инженер за нас... Он добрый малый!

Бессребреник слышал эти возгласы и принял их к сведению.

Не сводя глаз с лошади, миссис Клавдия отрывисто спросила Боба — этого удивительного слугу, по-видимому, пребывавшего в восторге от окружающего:

— Что делают эти люди?

— Забавляются, как изволите видеть.

— Кто они?

— Ковбои.

— Откуда они?

— Из окрестностей.

— А те, которые танцуют?

— Канальи нефтепромышленники... кабатчики... мошенники купцы...

— Почему они танцуют?

— Их заставляют ковбои.

— Зачем?

— Потому что все эти мошенники не согласны на их предложения.

— А выстрелы?

— Ими подбадривают тех, кто собирается остановиться... Средство действенное... И музыка есть... Слышите?

И в самом деле, сквозь крики страдания, рев восторга и выстрелы до слуха миссис Клавдии и ее спутника донеслись звуки ударов по железной, чугунной и медной посуде: кастрюлям, котлам и т. п., изображающим оркестр.

Против всякого ожидания кабриолет проехал благополучно под градом пуль и камней до самого здания конторы, представлявшего собой огромный трехэтажный кирпичный дом, полный разных запасов и товаров. Дом стоял посередине большого пространства, огороженного частоколом из неотесанных бревен, занятого службами, телегами, срубами для колодцев, чугунными трубами и всякого рода инструментами. Ставни висели оторванные; несколько окон стояли отворенные настежь, у большинства стекла были выбиты. Одна из главных дверей выломана.

Кабриолет и всадники въехали во двор. Здесь было человек тридцать весьма подозрительной наружности, все остановились в изумлении, увидав молодую, хорошенькую, элегантную женщину, смотревшую кругом с изумительным хладнокровием. Не обращая на них ни малейшего внимания, Бессребреник легко спрыгнул на землю и почтительно помог своей спутнице сойти. Все эти события, с того мгновения, как кабриолет миновал горящий кабачок, заняли не более трех минут.

Джентльмен прежде всего зарядил пустые

стволы своего револьвера, затем предложил руку миссис Клавдии, чтобы проводить ее в дом. Они шли, как люди, прогуливающиеся для своего удовольствия, — до того были спокойны среди всей этой адской кутерьмы. Боб и инженер Гаррисон сошли с лошадей и скорым шагом, под свист пуль, последовали за хозяйкой.

Миссис Клавдия вошла первой, обратясь к джентльмену:

— Эти сломанные решетки, опрокинутые кассы и растрепанные книги — вот и все, что осталось от конторы.

— Да, чистая работа! — согласился Бессребреник. — Будто мина взорвалась.

— Не правда ли, это ужасно, — заметил инженер, — и миссис Остин лучше бы все это ликвидировать.

— Это смотря по обстоятельствам, — отвечал джентльмен. — Во сколько вы оцените эту нефтяную землю и остатки всех построек?

— В нынешнем состоянии не больше двух миллионов долларов... Одна компания финансистов предлагает миллион... На месте миссис Клавдии я бы принял предложение.

— А каково ваше мнение? — обратился джентльмен к миссис Остин.

— Я нахожу, что это слишком мало...

— И я тоже, — поддержал ее Бессребреник.

— Можно было бы прийти к согласию, — продолжал инженер. — Сколько бы вы желали получить?

— Право, не знаю, — отвечала молодая женщина. — Как вы находите эти условия, мистер Бессребреник? Ведь вы мой компаньон.

— Я не взял бы меньше...

— Меньше чего? — с тревогой спросил Гаррисон.

— Ста миллионов долларов, — отвечал Бессребреник своим ровным голосом.

— Вы говорите... ста миллионов...

— Долларов... да... и то дешево...

— Это безумие!

— Не принять, да!.. Чтобы научить вас торговаться, я прибавлю еще пять миллионов долларов...

— Bravo! Bravo! — воскликнула молодая женщина.

Глухие удары, раздавшиеся в соседней комнате, прервали разговор. Миссис Клавдия, по-прежнему возглавляя шествие, смело вошла в комнату, вдвое превосходящую по величине другие, и очутилась лицом к лицу с группой человек в пятнадцать самого зловещего вида. Они окружили перевернутый вверх дном несгораемый сундук, все еще не поддававшийся усилиям этих разбойников, вооруженных пиками и железными

прутьями.

Между тем как остальные забавлялись на свой лад, эта банда промышляла воровством. Им надоело безрезультатно колошматить по стальному ящику, и одному из них пришла мысль взорвать его динамитным патроном. Этот опасный снаряд, применяемый при различного рода взрывах, можно купить свободно во всех американских городах, где производятся земляные работы или рубка леса.

Миссис Клавдия и ее спутники вошли в комнату как раз в ту минуту, когда ковбой водрузил заряженный патрон на замок сундука. Один из воров нагнулся, чтобы сигарой, которую держал в зубах, зажечь фитиль.

— Что, весело, молодцы? — крикнул Бессребреник, расталкивая кулаками и локтями негодяев, уже готовых бежать в ожидании взрыва.

При неожиданных звуках незнакомого насмешливого голоса бандиты схватились за пики, железки, револьверы.

— Черт возьми... Хозяйка! — закричал один из них. — И с ней мужчина!.. Скорей... бегите!

— Нет... нет!.. Взять их и заставить плясать! — раздался рев других голосов, охрипших от пьянства.

— Отлично!.. Кадриль... всех в одних рубашках... сейчас же!

— Долой оружие и прочь лапы, подлецы! —

закричал джентльмен резким, повелительным тоном.

Один из негодяев, пьянее или смелее прочих, протянул свои грязные руки, намереваясь схватить миссис Клавдию. Молодая женщина побледнела, отступила на шаг, вынула из кармана крошечный револьвер с перламутровой ручкой и прицелилась в пьяного, но не успела она выстрелить, как Бессребреник сильным ударом под ложечку сбил его с ног, говоря миссис Клавдии:

— Поберегите свои заряды.

Крик ярости был ответом на произошедшее, и все пятнадцать человек, изумленные смелостью женщины и незнакомца, бросились на них. Один, потрясая железным прутом, собирался ударить им джентльмена по голове. С необыкновенной быстротой и спокойствием молодая женщина выстрелила. Пуля, попавшая в глаз, пробила череп. Бандит, вскрикнув, упал ничком.

— Благодарю вас, теперь моя очередь, — сказал Бессребреник, поднимая только что оброненный железный прут.

Он оживился, глаза его засверкали, щеки побледнели, челюсти сжались, и он угрожающе прошипел:

— Еще раз прочь оружие и вон отсюда, мерзавцы! Иначе всем вам конец!

Одно из окон комнаты выходило на площадь,

откуда доносился адский шум: рев ликующих ковбоев, стоны и крики несчастных плясунов, мучениям которых, казалось, не предвиделось конца, выстрелы, звон медной посуды...

По неслыханной самонадеянности Бессребреника и его спутницы воры заключили, что у тех есть помощники, что их много, и, охваченные безумной паникой, устремились к узкому окну, ища спасения в бегстве. Бессребреник, потерявший терпение, бросился за ними, нанося поочередно удары железным прутом. В секунду шестеро из бегущих уже лежали на полу, а ужасное орудие продолжало сокрушать все, что попадалось на пути. Скоро из пятнадцати на ногах не осталось ни одного. Но в ту минуту, как поле битвы было уже очищено от неприятеля, миссис Клавдия, до сего момента с восторгом следившая за своим союзником, заметила, что фитиль динамитного патрона горит.

Каждое мгновение мог произойти взрыв, и все находившиеся в комнате оказались бы погребены под развалинами дома. Но миссис Клавдия была достойной союзницей своего компаньона и не растерялась. Молча, без малейших колебаний, она бросилась к фитилю, схватила его обеими руками и выбросила в окно. Сердце ее усиленно билось, в ушах звенело, в глазах рябило... Ее охватил смертельный страх, сознание опасности, и какой

опасности! Патрон, падая в самую середину разъяренный толпы, взорвался и выстрелил, как из пушки. Представьте себе аэролит⁸, упавший с громом в лужу, где квакает легион лягушек.

На мгновение воцарилась полная тишина; изумленная, испуганная толпа разбежалась в беспредельном ужасе... Музыканты, побросав посуду, в которую били, спешили спастись... Ковбои последовали их примеру. Бессребреник, видевший все, воскликнул:

— Браво, миссис Клавдия!

Опершись на свой железный прут, как Геркулес на палицу, он не сводил глаз с молодой женщины, и оба, несмотря на весь трагизм ситуации, не могли удержаться от смеха при виде толпы танцоров в незатейливых костюмах, спешащих скрыться.

На опустевшей площади осталось только несколько убитых и раненых; в конторе вокруг несгораемого сундука также лежали трупы. Всюду кровь, следы беспощадной борьбы... смерть. Миссис Клавдия, все еще бледная, но твердая и решительная, нахмутив брови и сдерживая отвращение, смело взирала на ужасное зрелище, говоря как бы про себя:

⁸ То же, что метеорит.

— Что же делать! Тем хуже для них самих... Мы не нападали на них, мы боролись за жизнь...

— И будем бороться без пощады, — подтвердил джентльмен.

Желая поскорее очистить контору от всего этого сброда, он обратился к инженеру и Бобу, сохранявшим спокойствие во время схватки:

— Ну что вы стоите?... Троньтесь же с места... Вы сами видите, что могут сделать двое решительных людей... то есть, собственно говоря, даже не двое... Впрочем, миссис Клавдия за пояс заткнула всякого храбреца.

Инженер держал себя натянуто, что поразило Бессребреника; Боб же, увлеченный таким мужеством, пылко отвечал:

— С вами, хозяин, я готов идти хоть на край света...

— Отлично, молодец!.. С разрешения хозяйки я назначаю вам награду в тысячу долларов, которую вы и получите, как только возобновятся работы.

— Рассчитывайте на меня!

— Что касается вас, господин инженер, ваше жалованье удвоится, и вы будете получать процент с чистой прибыли...

Гаррисон вздрогнул, прямо взглянул джентльмену в глаза и проговорил:

— Я сделаю все возможное, чтобы спасти

колодцы. — Про себя же подумал: «Другие будут щедрее. Впрочем, увидим!».

В комнате, кроме них, никого не осталось, и шум сменился угрожающей тишиной, похожей на затишье перед бурей. С помощью Боба и Гаррисона Бессребреник прикатил в контору несколько пустых бочонков, нагромоздил за ними ящиков и за этой импровизированной баррикадой стал выжидать дальнейших событий. Затем он вынул из кармана свою записную книжку и быстро набросал несколько слов, рассуждая вполголоса:

— Посмотрим, сколько всего километров от Нью-Йорка до Нью-Ойл-Сити... Цифра получается почтенная...

Миссис Клавдия смотрела на него с любопытством и наконец воскликнула:

— Ах, да!.. Я и забыла про ваше пари.

— А про свое собственное?.. Но хорош же и я!.. Я стараюсь мешать вам заработать что-нибудь и вместе с тем пытаюсь вернуть вам ваше богатство! Вот вам дилемма...

— Все это не должно мешать нам подумать об ужине... Надеюсь, вы примете его от меня.

— Пожалуй, на сегодня... Впрочем, я, как служащий у вас, кажется, заработал его... Принимаю в счет жалованья.

ГЛАВА VII

Почему и еще раз почему? — Заблуждение Нефтяной королевы. — Бессребреник хочет служить просто за жалованье. — Десять франков в день: разве это много? — В царстве нефти. — Прогулка. — Забавный анахронизм. — Старый индеец сиу.

Столкновения между пограничными жителями весьма часты, так как рабочие на приисках, люди обыкновенно спокойные, и ковбои, народ буйный, живут друг с другом, как кошка с собакой. Все начинается в один прекрасный день со спора в салуне из-за какого-нибудь пустяка, но тотчас пускаются в ход ножи и револьверы. Не обходится без пары убитых, и никого это не заботит. Одним или двумя бродягами меньше — и слава богу! Все знают, что место их сейчас же будет занято другими. Случается, что и достоянию трактирщика наносится ущерб, но в конце концов постояльцы сами платят за убытки и все улаживается ко всеобщему удовольствию. Иногда, впрочем, головы бывают разгорячены больше обыкновенного и конфликт принимает широкие размеры. Обороняющиеся спасаются в домах, а наступающие, возбужденные порохом, кровью и водкой, осаждают эти импровизированные крепости. Пьянство и убийства продолжаются, пока одна из сторон не одержит верх. Если приходит

подкрепление со стороны сочувствующих, борьба приобретает всеобщий размах и выливается в настоящую битву, сопровождаемую ужасными сценами, но редко все это длится более суток или полутора.

Бессребреник, по-видимому, хорошо знавший нравы и обычаи пограничного населения, терялся в догадках о причинах продолжительности беспорядков.

— Отчего, — обратилась к нему миссис Клавдия, — эти буйства, опустошающие мои владения, продолжаются не какие-нибудь сутки, а целых три дня и притом все усиливаются?

Бессребреник задумался на минуту, затем спросил:

— Есть у вас враги?

— Не знаю!

— Не было ли у вас столкновений с ковбоями?

— Ни прямых, ни косвенных.

— Быть может, ваши рабочие задевали их интересы?

— Нет!

— В таком случае происходит что-то непонятное для меня... Эти беспорядки, как мне кажется, четко организованы: лишь только они затихают в одном месте, как тотчас же разгораются в другом. Наверное, какое-то влиятельное лицо сеет

смуту среди населения и старается разорить вас...

— Но с какой целью?

— С целью завладеть вашим имуществом.

— Вы меня удивляете!

— Не уговаривал ли вас уже и прежде инженер продать ваши владения?

— Да, в моих собственных интересах...

— А главное, в интересах его сообщников...

— Он?.. Такой честный!.. Такой заботливый...

— Да, он может быть именно таковым, как вы его описываете, но при всем том он янки, а от этих людей никогда не знаешь, чего ждать.

— На каком основании вы так говорите?

— На основании сведений, собранных в Фокс-Хилле по пути сюда... Выслушайте меня. Нефтяной королевы не трогали до сих пор, потому что она кормила всю округу, но сегодня, разрушив ее дом, магазины и скважины, пытались взломать несгораемый сундук, где не было денег, но зато хранились купчие планы, межевые акты, — одним словом, все, что может интересовать землевладельца. Кроме того, исчез шериф: умер, по словам одних; бежал, как говорят другие; и охранительный комитет не подает признаков жизни. Все это мне кажется чрезвычайно знаменательным.

Миссис Клавдия слушала внимательно и в душе не могла не согласиться с джентльменом.

Одно, между тем, изумляло ее и одновременно приводило в восторг среди сонмища бедствий, превративших ее из богачки в нищую, — это тот несомненный интерес, который Бессребреник проявлял к постигшему ее несчастью. Ей не верилось, что этот преданный, предупредительный, усердный человек — тот самый оригинал, который отказался от ее руки, когда, чтобы спасти его, она крикнула, что выходит за него замуж. С тех пор он выказывал по отношению к ней явную симпатию, в которой она желала бы видеть проявление чувства более нежного.

Как истинная женщина, для которой любой ее каприз является законом и чей изменчивый ум без всякого на то повода способен на самые безумные скачки, она вдруг переключила свое внимание с главного для себя вопроса о состоянии на анализ того, что могло таиться в глубинах души джентльмена. Справедливо полагая, что не стал бы человек рисковать жизнью ради особы, к которой относится совершенно равнодушно, она надеялась, что при таких драматических обстоятельствах он не замедлит открыть свое сердце. Не зная, как приступить к столь деликатному делу, и боясь вновь попасть в неловкое положение, она сочла за самое удобное принять шуточный тон, который, однако, являл собой странный контраст с серьезностью положения.

— Так что ваш подарок придется как нельзя кстати, — сказала она джентльмену.

— Какой подарок? — спросил он, удивленный.

— Экземпляр басен мистера... да как его?.. Ну, помогите же...

— Лафонтена?

— Да!.. Да!.. Лафонтена. Помните басню о молочнице? Видите, у меня память хорошая.

— Простите маленькую вспышку в минуту досады. Мне жаль, что я позволил себе такую бестактность.

Он говорил с обычной откровенностью, смотря прямо в лицо своей хорошенькой собеседнице, очень довольный оборотом, который принял разговор. Она ответила с улыбкой:

— Не извиняйтесь, эта шутка отлично подействовала на меня: она приготовила меня к катастрофе, а ведь катастрофа могла застать меня и одинокой, беззащитной, меж тем как ваше присутствие послужило мне опорой.

— Вы преувеличиваете, по своей снисходительности, мою заслугу...

— Без вас я бы погибла... Вы спасли все.

— О, прошу вас, не торопитесь так с выводами!.. Я только помог, насколько позволили мои ограниченные средства. Так велит мне долг служащего у вас на жалованье.

— Вы? Служащий?

— Да, миссис Клавдия, теперь я не могу и не хочу быть ничем иным... Мне даже приходится просить вас назначить жалованье. Это избавит вас от благодарности... Я сам должен заботиться о себе. Не забудьте, что я — бессребреник и обязан выполнить условия своего пари.

— Я не понимаю вас... Вы хотите бросить меня?

— Вовсе нет, раз я прошу вас назначить мне жалованье... Надеюсь, вам не покажутся слишком высокой платой два доллара в день.

— Я думала, что вы согласны разделить со мной неудачу так же, как я предлагала вам разделить богатство.

— Это невозможно. Я нашел случай заработать, служа вам, кое-какие деньги и поспешил им воспользоваться. Если вы не согласны платить мне как поденщику, я принужден буду искать заработок в другом месте.

— Умоляю вас!

— Вы колеблетесь... Я буду возвращать вам излишек, если не все издержу... Вы согласны?

— Приходится согласиться... Вы удивительный оригинал... другого подобного не найдешь.

— Называйте меня, если угодно, феноменом... а теперь пойдете осмотрим

скважины, чтобы воочию убедиться в размерах убытка.

— Хорошо. Только не взять ли нам нескольких провожатых?

— Зачем? Вдвоем мы можем пройти незамеченными... Впрочем, вам лично не грозит никакая опасность... У янки много недостатков, но он уважает женщину... А мне лично все равно: сегодня... завтра... позднее... Я не дорожу жизнью.

— Стало быть, вас с ней ничто не связывает?

— Ничто.

Миссис Клавдия вздохнула и, не говоря ни слова, взяла Бессребреника под руку. Они ушли, оставив сторожить дом Боба, поколебавшаяся верность которого укрепилась обещанием тысячи долларов. Боб, со своей стороны, уговорил с дюжину рабочих вернуться к хозяйке, и они обещали честно исполнить свой долг. Пока что это была незначительная горстка людей, но Бессребреник надеялся, что в мастерских ему удастся собрать вокруг себя новых единомышленников.

Самый город Фокс-Хилл, то есть коммерческий центр, где совершаются дела и живут должностные лица, был в относительном покое. На улицах выстрелы еще изредка раздавались, но никто больше не принуждал граждан плясать, дома уже не горели, и внизу, в долине, где расположен

вонючий Нью-Ойл-Сити, только два-три столба дыма указывали на горящие скважины.

Наступило затишье, но работы не возобновились. В салунах еще пьянствовало много народу. Общее положение вряд ли улучшилось, и будущее по-прежнему было полно неизвестности и угроз.

По мере того как миссис Клавдия и Бессребреник спускались вниз, все вокруг претерпевало изменения: поверхность почвы, жилища, запахи, растения, даже люди. Наверху, в городе, воздух еще был чист, хотя и чувствовался довольно сильный запах нефти, на домах и тротуарах кое-где виднелись масляные пятна, но внизу было что-то невообразимое.

Действительно, нельзя себе представить ничего более отвратительного, чем нефть, и нет ни одной отрасли промышленности, равной по неопрятности и грязи добыче нефти. Пальмовое масло, оливковое, кокосовое — по выражению одного остроумного путешественника Октава Сабо, — жидкости приятные, даже поэтические. Нет в Южной Европе ни одного деревенского дома, где бы не было оливкового пресса, и им гордятся. Пятно от оливкового масла на платьях не тревожит никого. С оливковым маслом все умеют обращаться, не говоря уж о поварах и кухарках; и из этого же масла готовят прекрасное мыло.

Но нефть идет из земли, и уже самый ее запах указывает на происхождение. От него никуда не денешься. Пары настолько насыщают воздух, что часто приводят к взрывам; хотя в городе и запрещено курить, но часто неблагоразумные люди, нарушая запрет, подвергают себя опасности.

Все вокруг вас пропитано нефтью: грязь, в которой вы вязнете, каждая нитка вашего платья... и — добавим — в обычное время даже разговоры населения. Только и речи, что о взвинчивании и падении цен на нефть, о богатстве или оскудении той или иной скважины. Нефть овладевает всем вашим существом: забивается вам в нос, в глаза, в уши, во все поры тела, даже во рту чувствуется постоянный ее привкус. Стоит вам остановиться, чтобы полюбоваться красотой природы, как с ветерком до вас донесется запах нефти, смешанный с ароматом диких цветов, а на поверхности озера вы увидите радужные пятна с металлическим отливом. Дома, мебель, железные дороги, лодки, люди — на всем следы нефти. Люди, даже самые щепетильные, становятся грязными, неряшливыми. Когда платье все пропитывается жиром и делается слишком тяжелым, люди переодеваются с ног до головы в новое прямо на улице у торговца, а старое платье бросают, но ни в коем случае не сжигают, так как это может быть причиной пожара, от которого весь город превратится в развалины.

Миссис Клавдия мужественно ступила на почву, из которой буквально на каждом шагу сочилась нефть. Но Бессребреник, рассудив, что у него нет сменной пары, прежде всего принял предосторожности для сохранения своего костюма. Однако все его старания были напрасны! Нефть поднималась вверх по сапогам и пропитывала их; затем настала очередь панталон, и не прошло и четверти часа, как джентльмен стал походить на ламповый фитиль.

— Ну нет, что-то надо делать... что-нибудь придумать, — решил Бессребреник.

Они шли по берегу маленькой речки, извивавшейся по долине и носившей название Ойл-Крик (Масляная балка). Она вполне оправдывала свое название, так как воды в ней не было видно из-за слоя масла, покрывавшего ее и осаждавшегося на берега в виде зеленой блестящей грязи. Местами в этой грязи виднелись застрявшие тележки, беспомощно протягивающие к небу свои худые деревянные руки. Узкоколейная железная дорога была разрушена в нескольких местах: шпалы и рельсы сняты, вагонетки и локомотивы перевернуты вверх дном.

Бессребреник и миссис Клавдия шли по мосткам, настанным на болоте и также пропитанным жирной нефтью. На компаньонов посматривали, но скорее равнодушно, чем

враждебно. Правда, ковбоев встречалось немного.

Среди топкого жирного болота виднелись кучи всякого хлама: битые бутылки, тарелки, обломки ящиков, бочонков, телег, всяких инструментов. На этом месте было до десяти богатых скважин, дававших по пятнадцать тысяч франков прибыли в день, а теперь не доставлявших ни капли драгоценного масла. Их срубы, взорванные динамитом, покосились и грозили обрушиться. Производство прекратилось и, по-видимому, надолго. Владелица лишилась ежедневного дохода в двести тысяч франков, а для возобновления дела требовались большие вложения. И еще большой вопрос, дадут ли эти скважины нефть при вторичном бурении.

При виде дикого и бесцельного истребления своего имущества молодая женщина в первый раз ощутила приступ гнева. Остановившись против одной из скважин, носившей ее имя и имевшей самые большие запасы нефти, она гневно глянула в сторону салунов, где пьянствовали забастовщики, и, вся побледнев, проговорила глухим голосом:

— Я начинаю ненавидеть этих негодяев. Я кормила их, а теперь, разорив меня, они еще насмежаются.

С дюжину оборванных джентльменов, грубо смеясь, с вызывающим видом курили под большой черной доской с крупной надписью белыми

буквами: «Курить воспрещается». Негодяи забавлялись, стреляя в предостережение из револьвера.

— О, теперь я понимаю чувство солдата, бросающегося с саблей наголо в толпу! — продолжала миссис Клавдия. — Я хотела бы во главе эскадрона в бешеном галопе врезаться в толпу этих наглецов... Я чувствую в себе ненависть и злость римского императора...

— И, может быть, как этот император, желали бы, чтобы у них была одна голова на всех?

— Да... и с радостью пустила бы в нее пулю из револьвера.

— Все по примеру римского императора?

— Да.

— А позвольте узнать, у Нерона револьвер был системы Кольта или Смита и Вессона?

При этом шутовском вопросе весь гнев миссис Клавдии моментально рассеялся, она звонко засмеялась, чем совершенно озадачила шумных насмешников.

— Вот и отлично! Этот смех принесет вам миллионы долларов. Он произвел на весь этот сброд больше впечатления, чем выстрел из пушки.

Забастовщики действительно были ошеломлены и не скрывали этого. К несчастью, впечатление это сохранялось недолго. Ему на смену явилось другое, и праздные люди, не зная куда

девать свое время, с жадностью переключились на новое зрелище.

Человек пятнадцать оборванцев, пропитанных виски и нефтью, толкали, бранили и били старика, не способного защищаться. Из-под красной шерстяной рубашки виднелась кирпично-красная кожа, столь характерная для индейца. Лица, выпачканного грязью, разглядеть было нельзя, но длинная прядь волос, «скальп», тоже изобличала в нем краснокожего. На этот «скальп» главным образом и обрушилась ярость пьяниц: они поднимали за волосы старика, когда тот спотыкался и падал в грязь.

Губы Бессребренника задрожали от гнева. Миссис Клавдия снова побледнела и, сжав губы, проговорила:

— Да ведь этот несчастный — Джон, старый индеец сиу... Его надо спасти.

— Непременно, — отвечал джентльмен, готовясь вступить в борьбу с мучителями индейца.

— Смерть колдуну! — кричали ковбои и рабочие.

— Сейчас же отпустите этого человека, негодяи! — громовым голосом закричал Бессребреник.

ГЛАВА VIII

История нефти. — У древних. — Огнепоклонники. — Нефть у краснокожих. — В Колорадо. — Буран. — Нефтяной колодец. — Сопротивление. — Борьба. — Резервуары. — Газ, нефть и соленая вода. — Взрыв динамита. — Нефтяное наводнение. — Озеро из нефти.

Керосин вошел в употребление недавно, но нефть была известна и в древности, можно даже сказать — в самые первобытные времена человечества. Из документов, гораздо более древних, чем наша история, мы узнаем о существовании нефти в Китае. Греки и римляне также упоминают о ней. Геродот, Плутарх, Плиний, Аристотель, Страбон описывают в подробностях нефтяные источники и залежи асфальта, разрабатывавшиеся их современниками. Страбон также напоминает, что египтяне употребляли для бальзамирования мертвых горную смолу, привозимую из долины Инда, добавляет, что этот обычай восходит к самым древним временам. По преданию, при постройке Вавилонской башни употреблялся асфальт, добываемый на берегах Евфрата. Наконец, пары воспламеняющегося газа, постоянно пробивающиеся сквозь почву над нефтяными источниками, настолько поразили воображение первобытных людей, что даже породили особый вид религии.

Огнепоклонники поклонялись горячей нефти.

На том месте, где теперь стоит Баку — русский нефтяной город, — возвышался Атешгях⁹, уже утративший свое былое величие храм — чисто индийской архитектуры. Промышленный дух века пощадил его, и его присутствие среди пирамидальных срубов нефтяных скважин представляется резким анахронизмом. Впрочем, огнепоклонники почти исчезли. Только два бедняка-индуса поддерживают Атешгях, местные нефтепромышленники не оспаривают у него крошечной доли газа, которым завладели. Вечный огонь и теперь горит неугасимым пламенем и представляется чем-то вроде ночника или небольшой лампы.

Не в одной Азии эти вечные огни порождали суеверное изумление, перешедшее в обожание стихии. В местах нахождения нефти в Америке тоже существовали огнепоклонники, немногочисленные, но усердные. Они

⁹ Атешгях (*азерб. Atəşgah*) — индийский храм огнепоклонников в Азербайджане, на Апшеронском полуострове, в 30 км от центра Баку, в разное время почитавшийся зороастрийцами, индуистами и сикхами. Возник в XVII–XVIII веках на месте «вечных», или «неугасимых» огней — горящих выходов естественного газа, — поэтому храм и носит название «Атешгях», что означает «дом огня» («место огня»).

принадлежали к индейскому племени сенекасов, жившему в штате Пенсильвания. Некоторые из этих индейцев владели тайной огня. Этот огонь горел неугасимо в глубоких пещерах над трещинами, через которые выходили подземные газы, и охранялся, как у индусов, избранными людьми. Эти сторожа заметили свойства нефти и ее целебные действия при некоторых болезнях. Нефть, носившая прежде название «масло сенекасов», собиралась и продавалась ими как лекарство против ревматизма, чахотки и как средство от моли. Но употреблять нефть для освещения тогда еще никто не додумался.

Странно, что в то время, как индусы и индейцы с незапамятных времен знали свойства минерального масла, первые попытки заменить им растительное масло были сделаны не ранее 1830 года. По-видимому, они не удались, так как еще долгое время все довольствовались «маслом наших предков». В 1848 году — новые опыты и новая неудача. Между тем толчок был дан. Все чувствовали, что нефть имеет будущность, хотя и предположить не могли, как широко будет она употребляться.

Керосин в небольших количествах как осветительный материал применяли даже в местах его нахождения. Правда, свойства нефти знали плохо, ее сжигали в том виде, как получали, а

способ добывания был самый первобытный, перенятый у индейцев. Он сводился всего лишь к рытью колодцев площадью в три квадратных метра при такой же глубине. Ставили сруб, чтобы предупредить обвалы, и ожидали, пока нефть через земляные слои просочится наверх. Когда она появлялась, нижнюю часть колодца обкладывали шерстяными одеялами и оставляли их пропитываться нефтью. Потом вынимали, выжимали их, и таким образом получали керосин. Удивительно, что изобретательные янки потеряли столько лет, довольствуясь этим детским способом, хотя стоило лишь раз-другой ударить сверлом в богатую нефтяную почву.

До 1859 года богатство буквально топтали ногами, и только в этом году пенсильванское общество решило привлечь искусных инженеров для поиска подземных месторождений нефти. При первом же серьезном изыскании нефть была найдена, и скважины Титусвилля начали поставлять до полутора тысяч фунтов нефти в день. С этой минуты начался подъем нефтяной индустрии.

В той же местности новые изыскания, произведенные несколькими днями позже, вызвали настоящее наводнение. Бурав проник в обширный резервуар, наполненный горючим газом и соленой водой. Все это вырвалось с неудержимой силой наружу, и тут уж не только не оказалось нужды в

нагнетательных насосах, а наоборот, — пришлось употребить все усилия, чтобы сдержать нефтяной поток, который, переполнив резервуар, разлился по долинам!.. Спекуляция нефтью после этого достигла таких размеров, что ее называли «нефтяной горячкой» по аналогии с «золотой лихорадкой», свирепствовавшей в Калифорнии. За короткое время в одном лишь Нью-Йорке образовалось более трехсот компаний с миллиардным капиталом.

* * *

Долгое время добыча нефти ограничивалась пределами штата Пенсильвания. Даже утверждали, что в других штатах нефти нет вообще. Муж миссис Клавдии блистательно опроверг эти предположения, не основанные ни на каких серьезных данных. Проезжая по Колорадо, мистер Остин обратил внимание на поразительное сходство почв этой местности и восточных штатов. Не говоря никому ни слова о своем открытии, он купил за пустячную цену громадный, по-видимому, ничего не производящий участок. Там были скалы, обвалы, ручейки, пробиравшиеся между камнями, бесплодная почва, словно лава, и почти полное отсутствие растительности.

Над ним смеялись, сочиняли на его счет куплеты, карикатуры, — таким крайним

безумством казалось приобретение этой земли практичным янки, для которых в любом деле два плюс два должны были давать по крайней мере десять. Инженер помалкивал и не обращал внимания на насмешки. Затем, в один прекрасный день, он отправился в свои владения с партией иностранцев, скупых на слова и по этой причине приведших в отчаяние многих любопытных.

Приехавших было человек пятьдесят, прибыли они в телегах — настоящих домах на колесах, в которых на Востоке переселенцы, отправляющиеся искать счастья, перевозят свою семью, утварь, инструменты, одним словом — все свое имущество. Эти иностранцы немедленно принялись за дело. Искусные рабочие, необыкновенно выносливые, одинаково хорошо владеющие навыками обработки железа и дерева, — то плотники, то механики, то землекопы, — они с невероятной быстротой воздвигли какую-то странную деревянную постройку. Она имела вид лесов в форме усеченной пирамиды с основанием три метра в длину и ширину, а у вершины — всего в один метр. Высота постройки, простой, но весьма крепкой, достигала шестнадцати или семнадцати метров.

На вершине пирамиды, носящей у американцев название derrick, что значит «платформа», «журавль», «коза», «виселица» и

вообще «снаряд для поднимания тяжестей», прикрепили большой блок; на него накинули канат, а к канату привязали тяжелый стальной прут. Это был зонд, или бурав, предназначенный для бурения земли до нефтеносного слоя. Другой конец веревки был привязан к одному из концов деревянного коромысла длиной в шесть метров, привешенного за середину, как ось качели. Противоположный конец коромысла был также снабжен веревкой, в которую впрягались шесть человек. Аппарат был готов.

По команде начальника люди громко кричали:
— Хо... есть!

Тяжелый стальной бурав поднимался и на минуту оставался неподвижным. Но раздавался звон, и бурав с глухим шумом углублялся в землю. Снова поднимался бурав, снова опускался, буравя землю, одна упряжка людей сменяла другую, и так без конца...

Чтобы предотвратить обвал, в дыру вставили железную трубу, достаточно широкую для движения бурава, который уходил в землю все глубже и глубже. Обыкновенно эту трудную, утомительную работу производит паровая машина. Но мистер Остин, прежде чем затратить значительную сумму на покупку двигателя и перевозку его в малонаселенную страну да по неровной местности, желал удостовериться в

наличии нефти. Поэтому он вел работы скорее изыскательные, чем настоящую добычу. Тем не менее оборудования у него было запасено достаточно, для того чтобы в случае удачи тотчас же начать эксплуатацию.

Первая попытка кончилась плачевно. Мистер Остин надеялся найти нефтяную жилу на глубине двадцати пяти — пятидесяти метров, но масло не показывалось. Он приказал бурить до ста метров, истратил двадцать пять тысяч франков — и не добился ничего.

Излишне рассказывать, какими насмешками засыпали смельчака, вздумавшего произвести переворот в местной индустрии. Хозяйствование же было там чисто сельское, состоявшее в разведении лошадей, рогатого скота и овец. Мистер Остин не спорил, выслушивал всех, не говоря ни слова, и продолжал невозмутимо, с упрямством американца, свою работу. Он приказал разломать derrick, вынуть железную трубу и попробовать бурить несколько подальше. Буровая скважина в семьдесят метров глубины тоже ничего не дала. На эту вторую скважину потратили впустую восемнадцать тысяч франков.

В третий раз разобрали постройку и перенесли за полмили к подошве маленького холма, на берег чистого и тихого ручейка. Нашлись люди, которые начали сомневаться в состоянии умственных

способностей мистера Остина. Его рабочие стали роптать. Он и сам уже видел дно своего кошелька, но продолжал надеяться. Однако рабочие, утомленные рядом неудач, трудились уже не с прежним рвением, несмотря на большое жалованье, выплачиваемое инженером из последних средств. Им надоело служить мишенью для насмешек ковбоев и грубых шуток янки, и они попросили расчет. С трудом ему удалось уговорить их остаться еще на неделю. Посоветовавшись между собой и решив, что, в сущности, хозяин — человек хороший и не слишком требовательный, они снова усердно принялись за работу.

Чтобы понять эти разочарования, эти ошибки, за которыми часто следует неожиданная удача, надо знать, что изыскание нефти — вещь самая капризная, обманчивая, не зависящая ни от какого опыта. Нет никаких правил, никаких признаков, по которым можно было бы наверняка предположить о наличии нефти. Все дело в случае, как в лотерее. Но один факт несомненен: нефть не залегает по горизонтальной поверхности, как вода. Скважины, пробуренные в одной местности, иногда на расстоянии всего нескольких метров друг от друга, не одинаковы по своим результатам. Одна дает просто газ, другая — соленую воду с примесью небольшого количества нефти, третья не даст ничего, а четвертая доставит громадное количество

масла. Глубина их тоже весьма различна: одна имеет двадцать, другая — пятьдесят, третья — сто метров.

Между ними есть прерывающиеся, как исландские гейзеры. Так, например, один источник в Питоле бьет через равные промежутки в сорок минут. После этого следует небольшой выброс масла и пауза на двадцать минут. Затем раздается протяжный подземный гул, и в продолжение десяти минут нефть извергается в невероятном количестве. Через сорок минут приток ее ослабевает, и все повторяется вновь, как в замкнутом круге.

Все эти аномалии вполне объяснимы, если предположить, что нефть заключена в герметически закрытых резервуарах неправильной формы, которые, в свою очередь, расположены в различных подземных слоях тоже без всяких правил. Величина и глубина этих резервуаров весьма различны, так что буров может наткнуться на них или вовсе не задеть. Таким образом, две соседние буровые скважины могут питаться из резервуаров, находящихся на весьма различных уровнях. Неизменны только свойства материи, заключенной в этих резервуарах, подобных колоссальным подземным шарам. В них всегда находятся газ, соленая вода и минеральное масло; однако все эти составляющие присутствуют в различных количествах и всегда под сильным давлением. Эти

три вещества расположены друг над другом соответственно их плотности: вода — на дне, нефть — над водой, а газ — над нефтью.

В зависимости от формы резервуара и его наклона, а также места, куда ударит буров, и глубины его проникновения при добыче нефти существуют два варианта. Если буров пройдет в среду, занятую газом, последний вырывается с неудержимой силой, настоящим ураганом, через трубу в колодце. Когда газ выйдет из колодца, освобожденное от давления масло остается только поднять наверх по железной трубе с помощью насосов.

Если же буров углубляется прямо в соленую воду, занимающую дно резервуара, или в слой масла, то получается результат совершенно иной. Газ, занимающий верхнюю часть резервуара, действует как пресс сверху вниз и гонит в трубу или воду с песком, или нефть, чистую или смешанную с этой водой. В таком случае насос не нужен: жидкость поднимается с такой скоростью и в таком количестве, что ее поток часто трудно регулировать. Случается, что масло с такой силой врывается в трубу, что выбрасывает буров и вылетает в воздух в невероятном количестве.

После всего изложенного становятся понятными те трудности, с которыми встретился американский инженер, и те надежды, которые он

питал. Пока все его попытки оставались бесплодны: нигде не выступало ни одной капли масла, не показывалось ни одной струйки соленой воды, не появлялось ни одного пузырька газа. Наконец сами рабочие убедились, что поиск нефти в Колорадо — бесполезная трата времени. Они лениво поднимали бурав, и он, опускаясь, с шумом сотрясал всю пирамиду. Они обещали проработать неделю, и уже наступило утро седьмого дня. Положительного результата, как и прежде, не было; работали только, чтобы сдержать слово.

— Хо... есть! Хо... есть... Прочь!

В воздухе раздался свист, труба и вся пирамида задрожали. В ту же минуту, словно заряд из пушки, из трубы вылетел столб песка. За ним со свистом и шипением — клубы газа. У рабочих вырвался крик изумления и радости. Подземный газ обладал особым запахом, который нельзя спутать ни с чем другим.

— Ура!.. Ура!.. Да здравствует мистер Остин!

Инженер, которого за несколько минут до этого считали безумцем, сразу сделался в глазах всех великим человеком. Под крики сбежавшихся рабочих бурав заработал с удвоенной силой. Каждую секунду ожидали появления соленой воды или нефти. Но нет! Давление газа было так сильно, что отверстие, проделанное буравом, почти тотчас закрылось. Давление равнялось или даже

превосходило сто атмосфер! Песок, выброшенный струей газа, поднимаясь по трубе, засорял ее. Напрасно бурав работал на пределе возможного: каждый удар его сопровождался новой струей газа и новым зарядом песка. Так продолжалось целые сутки!

Наконец инженер, измученный безрезультатной работой и вместе с тем уверенный, что у его ног — громадное состояние, решился на крайнюю меру. Он приказал вынуть бурав и, убедившись, что труба не засорена, велел подать заряд динамита. Он сам зажег фитиль и, бросая снаряд, крикнул: «Спасайтесь!» Через минуту глухой взрыв потряс непокорную почву, и тотчас из полуразрушенной трубы вырвался настоящий смерч воды, смешанной с песком. Взлетев, словно гейзер, на высоту пятидесяти метров, он рассыпался каскадом.

Мистер Остин подбежал под струю, обдавшую его, попробовал ее на вкус и убедился, что она насыщена солью. Водяной столб держался на этой высоте в продолжение суток. Затем мало-помалу сила его начала ослабевать, количество песка увеличилось, и извержение прекратилось.

Под срубом и вокруг него слой песка достиг двух метров. Однако последние струи соленой воды вылетали уже с примесью нефти. Это доказывало,

что работы следует продолжить. Еще раз американская предприимчивость, не останавливающаяся перед крайними средствами, одержала верх.

Мистер Остин решил со следующего утра продолжить бурение, чтобы высвободить нижнюю часть железной трубы, а потом вставить насос. Но в ту минуту, когда все уже было готово и помощник мастера собирался дать сигнал поднять бурав, рабочие с тревогой почувствовали, что земля дрожит. Раздался страшный шум: подземное клокотание, гул и сотрясение, обычно сопровождающие извержение вулкана. Рабочие бросили канат, посредством которого поднимали бурав, и разбежались.

В ту же минуту зонд — прут весом в сто килограммов, — только что перед тем вставленный в трубу, вылетел, как ядро из пушечного жерла. Струя невероятной силы вырвала его вместе с рукояткой, разрушила коромысло, сорвала верхушку пирамиды и взлетела на высоту более шестидесяти метров. Струя шириной с тело человека поднималась совершенно прямо, как колонна, и образовывала на вершине грациозный изгиб, падая частым дождем. Растерявшиеся рабочие бегали под этим дождем, крича во все горло:

— Нефть! Керосин!